

Таня Иванова

**Когда идет
ДОЖДЬ**

Таня Иванова
Когда идет дождь

«Издательские решения»

2015

Иванова Т.

Когда идет дождь / Т. Иванова — «Издательские решения», 2015

Отношения бывают разные. И даже такие. Здесь нет стандартного букетно-конфетного периода, розовых очков и улыбки до ушей. Здесь все проще: изнасилование, одна прогулка и любовь, не как состояние, а как метод обучения человека, средство лечения его «болезней» и способ познания друг друга.

© Иванова Т., 2015

© Издательские решения, 2015

Когда идет дождь

Таня Иванова

© Таня Иванова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

– Вы видите желтую кнопочку? – спросила Виктория, как обычно ласковым и приветливым голосом.

– Да-а-а, – протянул женский голосок на противоположном конце трубки.

– Отлично. Нажмите, пожалуйста, на нее и продиктуйте мне цифры, которые там написаны.

Голос начал диктовать цифры. Но при проверке Виктория сразу поняла, что девушка ошиблась: вместо привычных десяти цифр она насчитала только девять.

– А давайте, мы еще раз проверим, – предложила она, улыбаясь, хотя ее никто и не видел. На этот раз цифр стало десять.

– Вы – молодец, – тут же похвалила Виктория свою тупую собеседницу. – Спасибо вам за помощь. До свидания.

– До свидания, – деловым тоном ответила девушка, явно довольная тем, что ее похвалили и даже не думающая о том, что она может быть не молодцом.

– До чего же она тупая, – положив трубку, сказала Виктория.

Коллега Маша повернулась к ней и рассмеялась. Виктории тоже стало смешно, и она нервно захихикала. В пятницу вечером весь их отдел медленно сходил с ума, и на истерический смех за соседним столом никто не обращал внимания. Работа в call-центре требовала железных нервов. Сюда брали всех без разбора, но оставались единицы. Тех, кто отработал здесь больше года, было мало. А точнее – их совсем не было. Виктория согласилась на эту работу, отчаявшись найти более достойную.

– А у меня сегодня одна барышня допытывалась: женат я или нет. Я, конечно, идиот, что признался в своей холостяцкой натуре, – поддержал разговор их коллега Максим. – Но я же не думал, что она мне предложит приехать к ней, пока мужа нет дома.

– А ты что? – спросила Машка.

– Я отказался. Ей по голосу лет сто.

– Ну и зря. Кто тебе еще даст? – съязвила Машка.

Максим обиделся и отвернулся.

– Зачем ты так? – заступилась Виктория.

– Да ты посмотри на него, – тут же взъерепенилась Машка. – Вот ты бы ему дала?

– Да не во мне дело..., – начала было Вика, но коллега махнула рукой и перебив сказала: «Вот и я так думаю. Но в отличие от тебя, я могу в этом признаться. А ты еще хуже, что пытаешься быть вежливой. Услышав мои слова, он, может быть, задумается о том, что нельзя быть таким задротом».

– Ох, Маша, – вздохнула Вика и уже в трубку добавила: «Служба технической поддержки. Виктория. Слушаю вас».

До конца рабочего дня оставалось еще двадцать минут. За это время она могла принять еще минимум два звонка, а это дополнительные деньги к ее заработной плате. Раньше был оклад, но иногда операторы так наглели, что не отвечали на звонки по часу. Разозлившись клиенты стали писать злобные отзывы на сайт. Как результат: система оплаты труда стала сдельной. После этого все операторы ушли. Но на их смену, как это водится, быстро нашлись другие. А потом начальство смекнуло, что выгоднее иметь временный персонал. С тех пор уже никто не заботился о том, что чайник сторел или у кого-то сломался стул. Не нравится – уходи.

Виктории повезло: стул у нее был очень удобный, на колесиках. Это Машка постаралась для них двоих. Вовремя заметив отсутствие на рабочем месте двух операторов, она тут же прихватила их стулья.

– Да ты что? – возмутилась тогда Виктория. – А вдруг они заболели?

– Ага сразу обе? – засмеялась Машка в ответ. – Да не дрейфь ты. Если потребуют, мы вернем.

Но никто требовать не стал. На следующий день там сидели уже новые операторы, даже не подозревающие о том, что их в чем-то обделили.

– Вот видишь. А ты боялась. Даже юбка не поменялась, – смеялась Машка.

– Вот ты – проныра.

– А что? Как говорят: «Мне чужого не надо. А свое я возьму... Чье бы оно ни было».

Виктория удивлялась пронырливости Машки, ее беззаботному взгляду на жизнь, неспособности поставить себя на место другого человека.

«А может быть так и надо жить? – думала она про себя».

– Заканчивай уже, – ткнув Викторию в бок, сказала Машка. – Всех денег не заработаешь.

Маша жила с приятелем, который неплохо ее обеспечивал, а работала она ради развлечения: жуткая по природе болтушка, она не могла сидеть дома. Эта работа была для нее праздником. У Виктории была другая ситуация: надо платить за квартиру, за еду, покупать одежду.

– Найди себе какого-нибудь хахала, – все время твердила Маша. – Я вон, как сыр в масле. Эти деньги, что здесь зарабатываю, в один день трачу, как только получаю. Удивляюсь, как ты на них живешь?

– Я – экономная, – твердо отвечала Виктория, считая, что ради денег спать ни с кем не будет.

– Ой, ну смотри сама. А то я бы тебя познакомила, – задумалась Машка, а потом резко добавила: «Или ты по Максимке сохнешь?».

Виктории Максим нравился, как человек, но не как мужчина. Мягкий, спокойный, соглашающийся со всеми, не умеющий дать отпор, он никак не вписывался в образ благородного мужчины, которого она искала. А искала ли?

– Может ты фригидная? – как-то спросила ее Машка. – Я тебя ни разу с мужиком за два месяца, что ты здесь работаешь, не видела. Может тебе к врачу? – засмеялась она.

– Просто я хочу найти своего мужчину, – тихо ответила Виктория.

– А-а-а, – многозначительно протянула Маша. – Ну, ищи, ищи... А как ищешь-то?

– Смотрю.

– А-а-а. И что видишь?

– Пока не то все?

– А где смотришь?

– В метро, магазинах, на улице.

– Открою тебе страшную тайну, – придвинувшись к Виктории начала Маша. – Я своего нашла через интернет.

– Как это?

– Как-как? Что ты маленькая что ли? В интернете полно сайтов знакомств. Регистрируешься, смотришь, общаешься, встречаешься, а потом по-разному.

– А тебе не страшно было? – удивилась Виктория.

– Чего страшно-то? – уже своим обычным голосом спросила Машка. – Маньяки вон по улицам ходят, так что же: на улицу не выходить? А тут встретились где-нибудь в кафе, поговорили. Есть, конечно, идиоты, но мне не попадались. Я их еще на стадии переписки отсеивала. Если хочешь, то могу сайт написать.

– Нет, не надо. Я так не могу. Мне человека видеть надо.

– Ой, как у тебя все сложно. Это не так, это не эдак. Смотри, тебе уже сколько лет, а ты ни разу за мужем не была. Еще пару годиков и все, крест можно будет ставить.

– За границей вообще только после тридцати женятся, – возмутилась Вика.

– А ты на границу не смотри. Ты в России живешь. Или ты хочешь туда? – кивнув головой, спросила Машка. – Так вот зачем тебе английский учить. А то говорит, мне язык нравится, хочу в оригинале Шекспира почитать. Ага... Знаем мы вас.

– Да, я действительно хочу Шекспира в оригинале прочитать, – оправдывалась Вика, но Машке уже было все равно. Диагноз она поставила, и считать себя неправой никому бы не позволила.

– Ты, если за заграничного хочешь, то хотя бы краситься начни. У них, конечно, там равенство полов и все такое. Но мужики глазами любят, на каком бы языке они не говорили.

– А ты-то откуда знаешь? – уже раздраженно спросила Виктория: надоели ей эти поучения.

– Я?... Я, милая моя, два месяца в Швеции жила. Познакомились мы с ним здесь, а потом я к нему поехала.

– А что случилось? Почему расстались?

– Жмот он оказался. Хотел, чтобы я ему стирала, дом убирала, готовила, а сам за два месяца купил мне два комплекта нижнего белья и тапочки. Жмот.

Виктория рассмеялась.

– Что ты ржешь-то? Я же туда поехала почти без денег. Думала, что мне подарки будут дарить, на руках носить, а в итоге вон как оказалось. Но ничего, я в накладе не осталась.

– Машка, а как ты уехала без денег?

– Как-как... Так и уехала. Когда он спал, то взяла его кошелек и уехала. Он потом еще месяц звонил и требовал, чтобы я вернула деньги. Представляешь? – засмеялась Машка. – Да, я свое взяла. Я за эти два месяца ему так квартиру вылизала... Да, и не только квартиру, – вздохнула Машка. – Но, ничего, теперь я – тертый калач. Поэтому и предлагаю тебе помощь, чтобы ты на те же грабли не наступала. Понятно?

– Понятно. Только я бы согласилась на такую жизнь. Мне же много не надо.

– Ой, пропадешь ты так. Мужики же пользоваться тобой будут, а потом выкидывать. Да, чай и раньше так было. А?

Виктория ничего не ответила, но поразились тому, что Машка так быстро обо всем догадывалась. Была в ней житейская мудрость.

– Ой, подруга. Жалко мне тебя. Нормальная ты бабенка. Чего ты все ищешь? Встань, оглядись. Может и увидишь?

– На что ты намекаешь?

– На Максима я намекаю... На него самого. Он хоть и не мужик вовсе, а вам хорошо вместе будет. Он – мямля, и ты – мямля. Зато никто не в обиде.

– Я не мямля, – обиделась Виктория.

– Ой, только мне об этом не говори. Я с тобой уже два месяца разговариваю и ни разу не слышала, чтобы ты свое мнение отстаивала.

– А зачем? – удивилась Виктория. – У меня есть мое мнение, у тебя свое.

– Вот я и говорю, мямля, – заключила Машка, накинула пальто и вышла из офиса.

Каждый день за ней приезжал ее сожитель. Виктория знала, что Машку он бьет, но никогда не говорила с ней об этом, боясь обидеть.

Наступила осень. Солнце упало с неба и рассыпалось по земле в виде желтых листьев, будто преклоняясь перед всем живым и давая себе отдохнуть. Тяжело быть всегда выше всех. Стараясь понять и прозреть, оно падает так низко, что каждый может наступить на него, сплунуть или растоптать. Оно не ропщет. А люди, насытившись своим превосходством, сгребают

униженные, раздавленные и помятые листья и сжигают их, отпуская на волю, позволяя зимой вернуться солнцу уже более ярким и мудрым.

Виктория шла по краю тротуара, поднимая носом сапога жертвенное подношение. Они шелестят, убаюкивая, успокаивая. Она знает, что сегодняшнее осеннее унижение их вернется к ней в виде болезненных ожогов после пляжного отдыха уже следующим летом.

– Какая красавица! – услышала она рядом с собой мужской голос с акцентом. – Куда же ты, красавица? – крикнул он вслед, когда она, прибавив шагу, вышла на середину тротуара, выпрямила спину и надела любимую маску неприступной девы. Ее карающие сапожки обходили упорно лужи, хотя хотелось ступить по ним, как в детстве: в самую середину, до мокрых носков и восклицаний мамы: «Заболеешь же, выйди из лужи!». Мама и сейчас ее учит, наставляет, только все зря. «Не гуляй допоздна, – говорит мама». И теперь она выходит гулять в ночь, когда почти нет людей, тихо и можно почувствовать себя властелином земли.

– Здравствуйтесь, – сказала она старушкам, сидящим возле парадной.

– Здравствуйтесь, – ответили они в один голос, воспользовавшись моментом, когда Виктория искала ключи в сумке, и осмотрели с головы до ног, как это обычно делают старушки.

Эти взгляды были больше жалостливые, чем осуждающие: за два года ни одного молодого человека рядом, одежда старушечья, на голове непонятно что. Она была своей для них, пусть без седины, морщин и старческого склероза. Но главное, что ее выдавало – это был взгляд: без искры, без огня, потухший не как вулкан, который может еще когда-нибудь проснуться, а как костер, который попал под дождь. Его могут зажечь, но это будет уже другой костер, не ее.

Виктория поднялась к себе на этаж. Проходя мимо соседской двери, заметила ключи в замке. Решила, что не будет говорить: воспользоваться некому, а соседям может быть стыдно за это. Открыв свою квартиру и зайдя внутрь, поняла: «Не говорить нельзя». Виктория снова вышла и позвонила в соседскую дверь. Вышла женщина, которую она никогда не видела.

– Вы забыли ключи, – тихо произнесла, не поздоровавшись и не представившись, Виктория.

Соседка опешила и молча стояла, будто чего-то ожидая. Виктория вынула ключи и подала соседке. Та теперь поняла, поблагодарила ее и закрыла дверь.

Вики вернулась к себе. В квартире она жила не одна, соседнюю комнату снимала молодая девушка Катя, постоянно пропадая на работе. У нее в жизни была карьера, молодой человек, купленная в строящемся доме квартира. Улыбчивая, ухоженная, разговорчивая, она сияла и была любимым объектом для обсуждения старушек. Вот ее-то они ненавидели: шикали, когда она проходила мимо, презрительно смотрели, а потом обсуждали. Вчера был на Хаммере, сегодня уже на Пежо. Кто будет завтра?

Катя редко говорила с Викторией: просто не было времени, да и нечего с нее было взять. Они просто здоровались иногда, когда встречались в прихожей. Но не прощались. Это будет, когда одна из них решит поменять квартиру.

Виктория прошла к себе в комнату и закрылась. Старые обои, потрескавшаяся штукатурка, серые батареи и советская неломаящаяся мебель – это ее окружение. Здесь нет розовых зайчиков, вязаных салфеточек, шелковых простыней и трюмо с большим количеством косметики. На стенах нет ни фотографий, ни картин.

– Да у тебя, как в склепе, – сказала Машка, когда впервые пришла в гости к Виктории. – Понятно почему у тебя жизнь не складывается.

– Почему? – тихо спросила Вики, не ожидая услышать ничего хорошего.

– Почему?.. – Машка хмыкнула. – В такой квартире даже мыши заводиться не будут, даже тараканы испугаются. Здесь же... Здесь же... Смертью пахнет.

– Что? – Виктория ожидала какую-нибудь гадость, но не такое. – Ты что говоришь?

– Ой, извини... Забыла, что ты у нас впечатлительная. Здесь пахнет отсутствием жизни, – улыбнулась Машка. – Так лучше?

– Не очень.

– Да, не злись ты. Прими, как факт: этой квартире нужен ремонт. Также как и всей твоей жизни.

Вики, конечно, думала об этом. Ей очень хотелось иметь чистую комнату, удобную кровать, нескрипучие дверки шкафа. Но... Работа приносила не такие большие деньги, а хозяин квартиры был против ремонта за его счет. Машка говорила, что это отговорки. Со временем Виктория поняла, что действительно так. Сделав ремонт в квартире, нужно будет ему соответствовать: привести в порядок голову, выкинуть почти всю одежду, потому что на фоне новых обоев она будет выглядеть еще более старой и поношенной. А ее мрачные мысли разбегутся по углам, стараясь зарыться в комочках пыли, которую Вики уже не сможет у себя держать: должно быть чисто.

Нет. Это не ее жизнь. Вики привыкла к тому, что ночью страшно также, как днем. Что ей всегда не везет, что она идет не по дорожке жизни, а вдоль нее, наблюдая, двигаясь, но не ощущая ничего. В ее жизни нет света даже в полдень в самый солнечный день. Зачем менять желтые обои на белые, если в голове темно.

– Тебе меньше думать надо и больше с мужиками спать, – сказала однажды Машка.

Вики пробовала так жить, но стало только хуже: каждый день тошнит от того, что все больше появляется «надо»: надо готовить ему завтрак, чмокнуть в щеку на прощанье перед работой, убрать постель, вытереть пыль, купить продукты, приготовить ужин, встретить его, улыбаться, согласиться на секс, хотя совсем этого не хочется. Еще надо кричать, чтобы он был рад, скрывать слезы, чтобы не обидеть. Какая уж тут еда? За два месяца жизни с ним она похудела на десять килограммов. Это с ее-то миниатюрными параметрами. А как иначе? Люди в концлагерях тоже худели, чем же она лучше? Ничем.

Вики села возле окна и привычно начала рассматривать людей. Входят... Выходят... Входят... Выходят... Она засмеялась: так и он делал. Сначала по несколько раз на дню, потом раз в день, потом реже и реже. Вики радовалась этому: на один пункт в списке «надо» стало меньше. Только он изменился: стал грубить, хамить, однажды ударил. А на следующее утро, привычно чмокнув его в щеку и проводив на работу, она собрала свои вещи и ушла. Он ее не искал, даже не звонил. Вики было обидно, но больше радостно: теперь не надо кого-то обнимать, притворяясь и делая вид, что приятно. Лучше одной. Она отъедалась, накидываясь на еду, как блокадник в сорок третьем. Появился вкус жизни: привычно горький, приятный. Ванильная сладость осталась с ним, приторная, обжигающая ноздри при вдохе и раздражающая своей наивностью. В жизни так не бывает.

С ее этажа можно разглядеть лица людей: в основном мрачные, с опущенными вниз уголками рта, злыми или уставшими глазами, опустившимися из-за отсутствия работы щеками. Их жизнь тоже идет рядом, не проходя мимо, а будто скалясь: «Вот я какая могу быть, но ты живешь иначе. Ты сам так решил. Вот и терпи теперь. А я рядом, но ты до меня не достанешь. Рядом, но не вместе».

За окном девочка, идущая с мамой, держа ее за руку, улыбаясь, неожиданно упала. И прямо в лужу. Мать подняла ее за руку, не заботясь о том, что той больно, ударила по щеке и стала что-то кричать. Окно и высота этажа не позволяли Вики слышать, но она чувствовала, как злоба матери и обида девочки проникают сквозь стекло и леденят воздух в комнате. Вики покрывается мурашками. Чувство беспомощности уже в ней: хочется плакать.

Она отпрянула от окна: с детства не переносит насилия. Родители ее никогда не били, но она плохо относится к сценам физического насилия. И не важно: ребенок это или взрослый. В такие моменты она отворачивается, хотя хочется вступить за обиженного. Ее душит злоба, но не на обидчика, а на себя: за низость, за нежелание вступить и за то, что снова выбрала путь молчания, а не борьбы.

– Я слабая, – говорит Вики, подходя к зеркалу и смотря в него. – Почему ты слабая? – спрашивает она у отражения. – Потому что ты – это ты. Терпи себя такой, какая ты есть, – отвечает она сама себе и смотрит еще пару минут, пытаясь в зеркале увидеть кого-то за своей спиной. Но, не дождавшись, отворачивается и снова подходит к окну.

Сцена насилия матери над ребенком осталась уже в прошлом. Обида и злоба рассеялись по квартирам и залегли по углам в ожидании подходящего момента. Люди продолжали снова туда-сюда, даже не догадываясь о том, что проходя мимо, шаркая ногами, они поднимают все то, что обронили другие: ненависть, раскаяние и обиду. Редко здесь проходили счастливые люди, а потому редко можно было встретить счастье, любовь и радость. Все они существуют на планете, но не в этом дворе.

Стало смеркаться, и Вики включила свет в комнате. Нет, не верхний, а настольную лампу, которая создавала яркое освещение рядом с собой и полумрак в других углах комнаты. Так она могла поднимать голову, осматриваться, но не видеть ничего. Был еще один прием, который спасал Вики от пугающего будущего. Это было ее собственное зрение. Просыпаясь, она тут же натягивала себе на нос очки и снимала только в постели, когда ложилась спать, или в душе, когда хотела помыться. Смотря в зеркало и видя отчетливо морщинки на своем лице, потрескавшуюся штукатурку на потолке, порванную обивку дивана, Вики хотела доказать, что принимает все это. Но обманывать себя сложно. Сознание понимает, а подсознание – нет. Поэтому очки Вики меняла один раз в год, и стекла становились все толще, уродуя и без того не очень красивое лицо.

– Купи себе линзы, – сказала как-то однажды Машка. – Это же не очки, а какое-то убожество. Даже моя бабушка не согласилась бы надеть на себя такое.

– Я пробовала покупать линзы, но мне в них неудобно: глаза не увлажняются. Чувство, будто песка насыпали, – оправдывалась Вики.

– Ой, для этого капли есть. Лучше скажи, что не хочешь быть красивой.

Вики почувствовала, что к горлу поднимается комок. Красивая... Ей редко говорили, что она красивая. И после этих слов обычно что-то просили или требовали, или просто забирали, как тот мужчина, с которым она жила. Сначала она обижалась на то, что некрасива. Но со временем стала ненавидеть красоту: слишком дорогая у нее цена.

– Да, я не хочу быть красивой, – выпалила Вики.

Машка вздохнула, выкатив глаза, подошла к ней, схватила за руку и потащила к зеркалу. Она распустила хвост на голове Вики, сняла под протесты оной очки, расстегнула две верхние пуговицы на ее рубашке, повернула к зеркалу и сказала мягко, будто размазывая масло по кусочку булки: «Посмотри. Что ты видишь?»

– Я ничего не вижу, потому что ты сняла очки, – рассерженно ответила Вики.

– Естественно, на полу же ничего нет. Ты глаза подними и тогда увидишь, – ответила тут же Машка и подтолкнула ее поближе к зеркалу. – Посмотри.

Вики с недовольным выражением лица быстро подняла голову, посмотрела в воображаемое небо, попросив у него терпения, а потом перевела взгляд на отражение в зеркале. Искренне надеясь там увидеть хоть что-то другое, не то, что она видит каждый день, Вики разочарованно опустила голову: там было все то же самое. На нее смотрело замученное лицо с выпцветшими глазами, как у старух, отеками под глазами, обвисшими щеками, морщинистым лбом.

– Улыбнись себе, – мягко, но в приказном тоне сказала Машка.

Вики отвернулась, попытавшись, отойти от зеркала, но коллега ее остановила и силой вернула голову в исходное положение.

– Улыбнись, – настаивала она.

Вики попыталась улыбнуться.

– Хорошо, – подбадривала ее Маша. – Теперь попробуй по-другому. Сначала улыбнись в сердце, потом глазами, а уже потом улыбка сама появится на губах. Попробуй. Подумай о чем-нибудь хорошем...

Вики снова стала вырываться: очень уж она не любит, когда пытаются залезть в ее голову. Там такой бардак, что ей стыдно кого-либо приглашать туда.

– Подумай. Это же просто. Что ты любишь?

– Я люблю, когда меня не трогают, – заявила Вики, почувствовав, что глаза увлажняются. Улыбка на Машиных губах спала, она отпустила руки и тяжело вздохнула.

– Слушай, ладно, это твое дело. Я всего лишь хотела тебе помочь. Но раз не надо, значит не надо, – обиженно и немного грубо ответила Маша.

Вики стало неловко.

– Извини, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть, – начала оправдываться Вики. – Просто я знаю, кто я и как выгляжу. Я уже смирилась с этим.

– Смирилась? – усмехнулась Машка. – Если бы ты с этим смирилась, то не меняла бы очки так часто.

– Послушай, я не прошу тебя о помощи. Меня все устраивает. Понимаешь?

– Ага. Ты эти сказки кому-нибудь другому рассказывай, – отмахнулась Машка. – Ладно. Мне все равно. Не хочешь, так не хочешь. Твое дело.

– Спасибо тебе.

– Спасибо? – удивилась Машка. – За что? Ты что думаешь, что я от тебя отстану? – она засмеялась. – Как бы не так. Я буду теперь каждый день к тебе приставать, чтобы ты начала хоть чуточку двигаться.

Вики опешила: у нее округлились глаза, и открылся рот, но сказать что-то в ответ она не могла – слишком велико было изумление. Она не могла понять причину того, что почти незнакомый ей человек пытается помочь, хотя она даже об этом не просила.

– И не надо на меня так смотреть. Ты хоть понимаешь, что это ненормально, когда человек себя не любит. Поэтому у тебя ничего и не получается. Тебе надо принять себя, полюбить. Только тогда ты сможешь полюбить кого-то другого. Пусть сначала это будет цветок...

– У меня все цветы всегда погибают, – вставила свое слово Вики.

– Это сейчас погибают, а когда себя полюбишь, то они перестанут погибать. Потом заведи собаку...

– Я не люблю собак.

– Тогда кошку заведишь. Кошек любишь?

– Люблю, – вяло ответила Вики.

– Вот и отлично. А уже после кошки можно будет заводить мужчину. Да, так мы и поступим, – закончила Машка, мечтательно смотря куда-то вдаль.

Вики еще никогда ее такой не видела: насмешливое выражение лица сменилось озабоченностью, но не давящей, грустной и убивающей, а напротив, доброй и возвышающей.

– И этот человек говорит мне про нормальность, – сказала Вики.

– Конечно, а кто еще тебе об этом расскажет, если кроме меня ты ни с кем больше не общаешься, – усмехнулась Машка, вернувшись в свое обычное амплуа злорадной стервы.

С того разговора прошла неделя. Первые два дня Машка ничего необычного не делала. Но на третий, придя на работу, Вики обнаружила на своем рабочем столе вазу с букетом цветов.

– Что это? – удивилась она.

– Цветы, – спокойно ответила Маша.

– Я знаю. А что они здесь делают?

– Они радуют глаз и доставляют эстетическое удовольствие.

– А почему они стоят на моем столе? – допытывалась Вики.

Машка отложила свою губную помаду и зеркальце, строго посмотрела на Вики и ответила: «Потому что тебе нужно смотреть на красивые вещи, чтобы ты начала любить этот мир».

Вики сощурила глаза и попыталась отстоять свое право на независимость: «Но ты же говорила, что сначала нужно полюбить себя, а потом уже мир».

– Да, я так говорила. А потом подумала, что, если мы будем двигаться сразу в двух направлениях, то придем к цели в два раза быстрее.

– Обычно, когда одно целое тянут в разные стороны, то оно разрывается на две половины и погибает, – заметила Вики.

– Да. Только у нас другой случай. У нас уже есть две разорванные половины и их нужно соединить, – объясняя, как учитель тупой ученице, ответила Маша.

– Ага, – только и смогла ответить Вики и села за свой стол.

Через час она поняла, что очень сильно диссонирует с цветам: они были таким красивыми. Гиацинты светло-персикового оттенка с шариками ротанга, напоминающими клубочки, выглядели как юная, прекрасная, улыбающаяся и благоухающая девушка. Букет был больше похож на Машу. Вики бы подошли бы черные розы. Они оттенили бы все недостатки, выделив ее достоинства. Гиацинты же, напротив, будто кричали: «Посмотри, какие мы красивые. А ты – такая уродина».

– Тебе нравится, – спросила Маша во время обеда.

– Что нравится? – не поняла сначала Вики, но, увидев озлобленное лицо Маши, тут же сообразила: «Да, букет очень красивый».

– И что ты чувствуешь, когда смотришь на него? – продолжала настаивать на своей терапии коллега.

– Я чувствую, что более уродливого человека, чем я, на свете больше нет.

Глаза Маши округлились, улыбка сошла с лица, а Вики продолжала есть свой суп.

– Это хорошо, – брякнула Маша.

Теперь пришло время удивляться Вики: ложка, которую она хотела поднести ко рту, остановилась на полпути.

– Не надо на меня смотреть так. Я – не злока и не хочу тебе навредить. Напротив, если ты поняла, что ты хуже, чем эти цветы, то значит, что у тебя скоро появится стремление стать такими же, как и они. А это уже рост.

Вики не почувствовала в этих словах никакой логики, но лицо Маши выражало полную уверенность в собственной правоте.

– Просто доверься мне. Я столько книг по психологии прочитала, что тебе и во сне не снилось. Что-нибудь, да, поможет.

– А что-нибудь и навредит, – продолжила ее мысль Виктория.

– Ой, по-моему, хуже быть уже не может, – махнула рукой Машка и оглядела столовую.

Неожиданно ее глаза заблестели так ярко, что можно было выключать все искусственные источники света... Да, и естественные тоже. Она смотрела на что-то или кого-то позади Вики. Удивленное выражение ее глаз сменилось, интересом, а потом кокетством. Она улыбнулась и медленно опустила глаза. Потом мельком взглянула в ту же сторону, отвела взгляд, снова улыбнулась и продолжила болтать. Только теперь ее голос приобрел хрипотцу.

– У тебя горло болит? – спросила Вики.

Маша недовольно посмотрела: «Почему ты так решила?».

– У тебя голос хриплый.

– Ох, несчастная ты женщина, Виктория. У меня не хриплый голос, а сексуальный. Повернись и посмотри на Аполлона. Думаю, это ускорит твою терапию, потому что я еще ни разу в жизни не видела такой красоты.

Вики подняла брови, опустила плечи, съежилась вся и начала быстро есть суп.

– Что с тобой? – удивилась Машка.

- Ничего.
- Повернись и посмотри, – приказала Машка.
- Не буду, – твердо ответила Вики.
- Посмотри. Иначе всю жизнь в девках пробегаешь.
- Нет.
- Повернись. Повернись. Повернись.
- Хорошо, – зло ответила Вики.

Она обиделась на Машку за ее поведение, ей было стыдно оборачиваться, поэтому она сделала суровое лицо, еще больше съежилась, быстро обернулась и сурово посмотрела на Аполлона. Тот опешил и тут же отвернулся.

– Что ты делаешь? – дернула ее Маша.

– Я смотрю, – улыбнулась ехидно Вики.

– О-о-о, – простонала коллега. – Он отвернулся. И теперь совсем не смотрит на нас, – злилась она.

– Вот и отлично. Теперь я могу спокойно доесть свой обед, – обрадовано ответила Вики.

– Какая же ты стерва. Я сильно ошиблась в тебе. Значит, когда тебе нужно, ты снимаешь свои крылышки и надеваешь рожки, а?

– Открою тебе страшный секрет, – тихо-тихо начала Вики, так что Маше пришлось придвинуться ближе, – я рожки никогда не снимаю. А крылья у меня искусственные.

Вики засмеялась, а Машка чертыхнулась и снова посмотрела на соседний столик. Но, очевидно, снова безуспешно, потому что ее милое личико стало расстроенным.

– Слушай, если тебе не надо, то ты хотя бы мне не мешай. Ладно?

– Как это тебе не мешать? – удивилась Вики. – В чем? У тебя же есть мужчина.

– Да, есть. И что? Я ему никаких обещаний не давала. И в жизни нужно всегда стремиться к лучшему. А это... – она томно вздохнула и снова посмотрела на соседний столик, – это лучшее, что может быть.

Оставшуюся часть обеда они провели молча. Маша была занята привлечением внимания своего Аполлона, а Вики отдыхала от ее излишнего внимания.

После работы они решили зайти в ближайший магазин. В одном из отделов Маша выбрала очень красивый яркий шейный платок и купила его.

– Тебе понравился? – спросила Маша.

– Да, очень красивый, – тут же ответила Вики. Ей действительно он очень понравился. Хотя она знала, что себе такой никогда бы не купила: слишком роскошный и красивый. Ей бы что-нибудь серенькое, черненькое, без излишеств, чтобы никто и не заметил вовсе. Самой лучшей одеждой для себя Вики считала плащ-невидимку. Но его, к сожалению, нигде не продавали.

– Это тебе, – протянув только что купленный платок, сказала Маша.

Она широко улыбалась и будто светилась изнутри, а Виктория стояла молча, непонимающе смотря на нее вытаращенными глазами.

– Ну же, бери, – добавив нотки недовольства, снова предложила Маша.

– Я не могу, – сконфузилась Вики, немного даже попятившись от подруги.

– Можешь, – с твердостью в голосе тут же ответила Маша, схватила руку Вики и повесила на нее пакет. – Он твой.

– Спасибо, – тихо-тихо отозвалась та.

– Ну же, – подтолкнула ее Маша к зеркалу. – Примерь. Я старалась, чтобы тебе подошел, но хочу все же удостовериться.

Подождав секунд десять и поняв, ждать каких-либо действий бесполезно, Маша взяла пакет обратно, достала платок и повязала на шею Виктории.

– Так лучше, – сказала тут же она, немного отойдя и смотря на отражение в зеркале. – Тебе нравится?

– Да.

Маша покачала недовольно головой: «Слушай, когда людям нравится, то они улыбаются обычно, а не смотрят испуганными глазами так, будто впереди их ждет расстрел».

Маша выбрала правильное слово. Именно расстрел. Этот платок приковывал взгляды, а Вики это вовсе не нужно было.

– Маша, – выдохнула Вики. – Понимаешь... Понимаешь... – она развязала платок и стала мять его в руках. – Он очень красивый. Очень– очень. Но... но, – мялась Вики, не зная, как сказать так, чтобы не обидеть подругу. – И мне он очень нравится. Но... но... Посмотри на меня и на него. Неужели ты не видишь разницы?

– Да, я вижу разницу. Он яркий, а ты – серая.

– Вот, – обрадовалась Вики. – Видишь. Я – серая. И...и мне нравится быть серой. Я не хочу, чтобы на меня все смотрели. А, если я повяжу его, то все будут на меня смотреть.

– И что в этом плохого?

– В этом нет ничего плохого. Просто мне это не нужно. Понимаешь?

– Не очень.

– Мне нравится смотреть на такие вещи, но сама я их носить не могу. Поэтому, пожалуйста, оставь его у себя. Тебе он очень идет, – голос Вики был очень жалостливым.

– Нет, – заявила Маша без всякого сочувствия. – Если тебе нравится смотреть на такие вещи, то повесь его дома и смотри. Хорошо? Начнем с дома, – озарилась новой идеей Машка. – Точно. Мы будем потихоньку менять твоё окружение. На работе у тебя будут цветы, и дома что-то должно быть. Ты права. Молодец.

Вики тяжело вздохнула.

– А ты думала, что просто будет? – засмеялась Маша.

Ее смех не был злым, но Вики чувствовала, что ее тянут на тропу, по которой она идти не хочет. Ей казалось, что кто-то держит ее за горло, и с каждой новой Машинной выдумкой дышать становится все сложнее.

Сидя в своей комнате, она думала о том, что слишком часто на ее пути появляются такие люди. Стремящиеся поменять ее, ее жизнь, потянуть за собой, даже не зная, куда сами движутся.

Она вздрогнула. Звук дрели снова пронзил воздух. Соседи, жившие этажом выше, переживавшие вот уже полгода как, все делали ремонт. В последнее время ей стало казаться, что при таком частом сверлении у них вместо стен уже должно появиться решето, через которое звуки, как вода, проливаются, не встречая никаких препятствий. У ее соседки Кати после ремонта эти звуки практически отсутствовали: строители покрыли стены каким-то специальным материалом, заглушающим звуки, проникающие внутрь и исходящие из комнаты. Она создала для себя островок, на котором были только те звуки, которые она хотела слышать. Температура тоже менялась с помощью кондиционера, а ароматические масла добавляли благоухание. Вики ей очень завидовала. Но это была белая зависть. Она понимала, что Катя достойна такой жизни: она была красива, открыта миру и достойна всех его благ. Отгораживаясь от неприятных звуков снаружи, она открывалась миру, общаясь, когда выходила за пределы комнаты. Вики же, по ее собственному мнению, была недостойна такой роскоши, потому что, получив ее, она бы, напротив, заперлась, живя в своем внутреннем мире и совершенно отдалившись от людей.

– Ты блокируешь энергию, – заявила ей однажды Маша с совершенно серьезным видом. – И тут нет ничего смешного, – укорила она Вики, когда та заулыбалась. – Ты ничего не берешь извне, и естественно, что у тебя никто ничего не хочет брать.

– Но мне нечего дать, – возразила Вики.

– Что за глупости. Доброта, которая находится в твоём сердце, летит через край и все впустую.

– Доброта – это неходовой товар в наше время, – ухмыльнулась Вики.

– Это редкий товар, – поправила её Маша. – А-а-а, – вскрикнула она, придумав ещё что-то.

Вики уже испуганно на неё посмотрела: в этой красивой головке рождались в последнее время только губительные для неё мысли.

– Я знаю, что тебе надо делать, – заявила Маша, снова святясь ярче солнца.

Она ерзала на стуле и смотрела выжидающе на Вики.

– А-а-а... – закричала она, выпустив энергию, излишне скопившуюся в ней. – Что же ты за человек-то такой. Неужели сложно понять, – она чуть-чуть подождала, но поняв в очередной раз бессмысленность этой паузы, спросила: «Неужели ты не понимаешь, что я хочу, чтобы ты спросила меня, что я придумала?».

– Я понимаю.

– И-и-и...

– Я не хочу знать то, что ты придумала, – выпалила Вики.

Инстинкт самосохранения стал давить её доброту, которую Маша только что восхваляла.

– Прости, пожалуйста, но твои идеи... последние идеи, – поправилась она. – Они... они не очень хорошо действуют на меня.

– Это нормально, – тут же заявила Маша, махнув рукой так, будто это был какой-то пустяк.

Вики показалось, что, если бы она сейчас сказала, что вчера сломала ноготь, то вызвала бы большее сочувствие. И снова тяжёлый выдох вырвался из её груди.

– Слушай, ты так часто вздыхаешь, – встревожено сказала Машка. – Может быть, тебе к врачу обратиться? У тебя в области груди ничего не болит?

– Нет, – тихо ответила Вики.

– Это хорошо. Но ты все же сходила бы к врачу. Ты давно делала флюорографию?

– Давно. Три года назад.

– А-а-а. Кошмар какой. С нашим климатом нельзя так запускать своё здоровье. Это может тебе выйти боком, – предостерегала Маша.

– Я здорова, – вяло отозвалась Вики.

– Так ты спросишь меня или нет? – огрызнулась Машка.

– О чём?

– О-о-о, мой бог. Дай мне терпения, – вознесла она руки наверх и посмотрела на небо. – А черт с тобой. Я вот что придумала. Если у тебя есть много доброты, то ты можешь отдать её детям, которые в ней нуждаются, – её глаза горели так ярко, что смотреть в них было больно.

– Что-то я не поняла, – заметила Вики.

– Кто бы сомневался. Я имею в виду, что у нас в городе есть много брошенных детишек, которым нужна любовь.

– И какое я к этому имею отношение? – пыталась докопаться до сути Вики, выстраивая логическую цепочку, в которой снова не было ни капли логики.

– Ты взрослая баба, у которой нет детей, но куча свободного времени. И вместо того, чтобы сидеть в затхлой избушке, будет лучше, если ты выйдешь и сможешь самым слабым из живущих на планете. Детям, – добавила она последнее слово уже для того, чтобы не осталось никаких вопросов.

– А-а-а, – поняла Вики. – А ты не думаешь, что для этого нужно желание, возможности какие-то?

– Это отговорки. Единственная возможность – это ты, желание тоже от тебя зависит. А оно есть, я знаю. Хорошим нужно делиться, и тогда оно вернется к тебе. Твоя доброта гниет

внутри и разлагает тебя. Скоро она покроется плесенью, приобретет неприятный запах и тогда уже станет никому не нужна. У всего есть срок годности.

– А, может быть, я хочу, чтобы так случилось? – вызывающе спросила Вики.

– А ты хочешь? – голос Маши был спокойным.

Вики сделала глубокий вдох, выдох и опустила глаза. Ей было стыдно признать, но она действительно этого хотела. Это был бы самый лучший для нее выход.

– Что ты молчишь? – спросила Маша.

– Мне нечего тебе сказать.

Разговор на этом закончился.

Звуки дрели, ниспадающие сверху, сменились звуками выстрелов и проклятий, доносящихся из телевизора соседей сбоку. Сама Вики перестала смотреть телевизор четыре года назад. У нее появилось сразу много времени. Оно, как водопад, обрушилось на нее, сшибло с ног и понесло куда-то по руслу реки. Она хваталась за все, что ни попадалось на ее пути: книги, бег, йога, поделки руками, сочинение стихов, сидение в углу и размышление о жизни. Все это ушло, оставив каждый свой след, иногда глубокий, иногда настолько поверхностный, что песок времени его уже стер. Осталось только одно: размышления. Вики это очень любила. Часто, сидя перед окном дома, в метро или на скамейке на улице, она уносилась в далекий для других, но очень близкий и родной, видимый только ей, свой мир. В нем было всегда тепло, уютно, звучали приятные уху звуки дождя, пахло корицей и кофе, запах которого она обожает, хотя и не пьет сам напиток. В ее мире почти нет людей: они слишком непредсказуемы, а иногда и откровенно злы, чтобы там находиться.

– Выбирайся из своей раковины, – приказала Маша сегодня, когда Вики задумчиво стояла возле офисного окна во время обеденного перерыва. – Нужно жить в реальности.

– А что такое реальность? – парировала Вики.

– Это то, что происходит снаружи, – ответила Маша, разведя руки и поведив ими вокруг.

– И что вокруг тебя?

– Вокруг меня? Ага... Это игра такая, да? – засмеялась Маша. – Вокруг меня воздух. Рядом со мной стоит очень странная на первый взгляд девушка... – Маша подумала, осмотрев Вики с ног до головы, и добавила: «...да и на второй взгляд она тоже странно выглядит».

– Что еще?

– Еще? Еще я вижу белые стены, цветы на подоконнике, чувствую запах сигарет, доносящийся с лестницы. По-моему это все, – заключила Маша. – А ты что видишь?

– Я вижу длинный коридор, похожий на заброшенную взлетно-посадочную полосу, которую кто-то решил уничтожить, ограничив ее потолком. Люди, снующие взад и вперед, словно крысы в куске сыра, бегают с недовольными лицами. Должно быть, так происходит из-за несоответствия размеров куска сыра и количества крыс. Известно же, что они очень прожорливы. Им все мало. Они хватают то, что им на самом деле не нужно, пытаются произвести материальное замещение. Но разум не обманешь: он принимает это и требует еще. Запах сигарет смешивается с запахом духов самочек, которые пытаются привлечь самцов, несмотря на то, что дома их уже ждут другие. Им мало, потому что они не чувствуют любви. Надев на себя огромное количество побрякушек и тряпочек, самочки пытаются казаться более привлекательными и обаятельными. Но их выдают лица: чаще уставшие, больше недовольные. Их резкие голоса слышны, когда они ругаются, а смех выдает крысиную натуру, обнажая мелочную и нетрудолюбивую душу. Про самцов можно сказать почти то же самое. Самцы и самочки отличаются только половыми признаками. Если говорить о воздухе, окружающем эту нору, или точнее атмосфере, то она окрашена в черный цвет. Нет, ты не думай, это хорошо. Черный цвет – переходный. Это значит, что скоро все должно закончиться. Сложнее перейти от серого к черному, чем от черного к белому, – улыбнувшись, закончила Вики.

– А другие цвета, кроме серого, черного и белого в твоём мире есть? – спросила тут же Маша.

– Нет. Красный, синий, желтый – это оттенки, а не цвета.

– Ты знаешь, когда я ходила в художественную школу, то меня учили другому.

– Не все чему нас учат – правильно.

– Но и не все наши выводы – верные. Так?

– Нет. Наши выводы верны сейчас, – отвечала Вики цитатой из какой-то давно прочитанной книги. – Они могут потерять свою истинность только со временем. В настоящем моменте собственный вывод каждой отдельной личности – это истина в последней инстанции. Наличие своего, пусть и неправильного с точки зрения других, вывода – это лучше, чем его отсутствие. А отсутствие своего мнения лучше, чем мнение, принятое от общества, но не обдуманное и не взвешенное.

– Тебе лечиться надо, – заявила Маша, развернувшись и начав уходить, но потом повернулась и спросила: «Ты считаешь, что здесь работают одни крысы, так?». Вики кивнула, и Маша продолжила: «Но ты же тоже здесь работаешь. Значит, ты тоже крыса, верно?». Она почти смеялась в лицо Вики, надеясь получить оправдание или недоуменный взгляд, а может быть пытаться ее рассердить, но Вики улыбнулась и ответила: «Да, я это знаю». Маша сощурилась, будто проверяя, врет она или не врет. Сделав вывод, это было видно по еле заметному кивку головой, но, не озвучив его, она сказала: «Уже десять минут второго. Нам лучше вернуться, иначе наш главный крыс лишит кого-то его законного ежемесячного дополнительно куска сыра». Вики улыбнулась. Тогда она не поняла, к какому выводу пришла Маша.

На улице потемнело, но Вики не стала включать даже настольную лампу. К звукам телевизора прибавились крики детей, протестующих и не желающих ложиться спать. Увещевания нежного мамино голоса сменились истошными женскими криками о том, что ей все это уже надоело, а потом угрозами, что, если дети не лягут, то будут наказаны. На этой стадии звук выстрелов телевизионного сериала стал громче: папе тоже все это надоело.

Вики снова выглянула в окно. Огни уличных фонарей, горевших тусклым светом, создавали ровные круги на асфальте. Мимо дома, держась за руки, прошла пара влюбленных. Им было не больше шестнадцати. Каждый раз, когда они ступали в круг света, то целовались. Вики долго за ними следила: поцелуи становились все длиннее и длиннее. Она вспомнила строчку из стихотворения Веры Полозковой: «Я ненавижу, когда целуются, если целуются не со мной». Вики на самом деле не чувствовала ненависти, но при виде целующихся эти строки всегда всплывали в памяти.

– Доброе утро, – поприветствовала ее Маша на следующий день. – Что, снова сидела допоздна, глядя в окно и наблюдая за тем, как жизнь проходит мимо? – она достала помаду и привычным движением открыла ее.

– И тебе хворое утро, – отозвалась Вики невыспавшимся голосом из-за того, что действительно не отходила от окна почти до самого рассвета.

– Мужик тебе нужен, – начала свою песню Маша, размазывая ярко-красную смесь воска, масел, жиров, красителей и отдушек.

– Ты знаешь, что среднестатистическая женщина за год съедает один килограмм помады? – спросила Вики.

– Теперь знаю, – усмехнулась Маша.

– И ты веришь в это?

– А почему я должна не верить? Если честно, то мне все равно. Я не сижу на диете, – усмехнулась она снова.

– Но ведь этого не может быть, – возмутилась Вики. – Ты подумай сама. Пусть в одном тюбике помады в среднем пять грамм. Даже если мы будем считать, что помада расходуется полностью, хотя это и не так, но ладно. Так вот, чтобы получить этот килограмм, нужно купить

двести тюбиков, – подняв указательный палец и сделав выразительное лицо, Вики ждала, что Маша поразится ее умственным способностям, но та быстро спросила: «И что?».

– Это невозможно. В таком случае нужно покупать по шестнадцать помад в месяц. Это четыре штуки в неделю. И их нужно не только купить, но еще и израсходовать. Ты тратишь четыре помады в неделю? – допытывалась Вики.

– Нет, – коротко ответила Маша.

– Вот. Значит, это неправда.

– Я понимаю, почему ты несешь эту чушь: ты не хочешь, чтобы я обсуждала твою жизнь, правильно?

Вики села за стол, оперлась подбородком на руки и, смотря куда-то вдаль, ответила согласием.

– Это хорошо, что ты это понимаешь. Я тут набросала план, – обрадовано заявила Машка.

Она достала из сумочки мятую бумажку, исписанную ее неровным и малопонятным почерком, и протянула ее Вики

– Я переведу, – тут же заявила она, видя, что Маша не может разобраться в ее каракулях. – Тут написано, что, во-первых, тебе нужно все же начать о ком-то заботиться. Это может быть, что угодно: кошка, собак, хомяк, цветок, даже таракан с кухни и то подойдет.

– У меня нет тараканов, – монотонным голосом заметила Виктория.

– Вот и заведешь. Представляешь: приходишь домой, а он тебя встречает. Здорово, правда. В связи с маленьким размером можно сразу завести молодую семью, чтобы она разрасталась. Представляешь: приходишь домой, а тебя встречает полк тараканов.

– Я тогда домой перестану приходиться, – Вики боролась с чувством тошноты, которая появилась при воображении этой картины.

– Это чудесно. Если у тебя не будет дома, то мы подыщем бедной сиротке, то есть тебе, квартирку с молодым и симпатичным хозяином, – потирала ладони Маша, улыбаясь и радуясь счастливому на ее взгляд развитию событий.

– Ага. Отлично, – как всегда без особого энтузиазма, отозвалась Вики, крутя палец у виска.

– Вот и хорошо, что хорошо, – не обратила внимания на ее жест Маша и продолжила: «Второй пункт: поиск жениха. Сначала я хотела сюда вписать поход по магазинам и в салон красоты, но реалии нашей жизни, а точнее ярое сопротивление, которое я предвижу с твоей стороны, заставили меня этот пункт вычеркнуть».

– А, то есть в первом пункте с тараканами ярое сопротивление не предусмотрено, верно?

– Верно. Оно и во втором не предусмотрено. Да ты не переживай. Я уже все за тебя сделала, – она откинулась на спинку кресла и довольно посмотрела вдаль.

– Что ты сделала? – не поняла Вики, уже готовясь к самому худшему.

– Что, что? Я разместила твою анкету на сайте знакомств, – Маша спокойно повернула свой компьютер, и Вики увидела в нем свою фотографию.

Ее возмущению не было предела.

– Удали это немедленно! – закричала она. – Ты с ума сошла?

– Спокойно, – осадила ее Маша. – Я уверена, что ты изменишь свое мнение, если согласишься на количество сообщений, которое пришло к тебе за..., – она помедлила, посмотрела на часы, посчитала и выдала, – за десять часов. Посмотри сама.

Вики глянула на монитор и увидела цифру сорок восемь. Ее глаза поползли вверх.

– Что ты написала в анкете? – тут же спросила Вики, сообразив, что на ее фото мужчины не могли так бурно отреагировать.

– Да, так, – махнула рукой Маша. – Потом считаешь. Сейчас работать надо, – добавила она абсолютно равнодушным голосом, поворачивая снова монитор к себе.

– Ты издеваешься? – заорала Вики. – Живо показывай, что ты там написала.

– Ага, – взвизгнула радостно Маша. Ее глаза горели, как два факела. – Тебе все же интересно. Тебе интересно, – поддразнивала она.

– Мне интересно, потому что там моя фотография, – буркнула Вики, но при этом опустила глаза.

– Да, ладно, подруга. Твоя карта бита. Расслабься. Я же тоже женщина. Что тут такого? Это нормально, когда женщина ищет себе мужчину.

– Открой, пожалуйста, анкету, – попросила Вики ледяным голосом.

– Хорошо.

Маша сделала один клик мышкой, и на мониторе высветился текст.

– Познакомлюсь с парнем от двадцати до пятидесяти пяти? – крикнула Вики так громко, что все обернулись.

Вики покраснела то ли от гнева, то ли от стыда, но тут же добавила: «Ты хоть знаешь сколько мне лет?»

– Конечно, – рассматривая свой маникюр, ответила Маша так будто ее спрашивали: «Ты знаешь, что сегодня на обед в столовой грибной суп?».

Но подняв глаза и увидев вопросительный взгляд Виктории, она закатила глаза и постаралась дать более развернутый ответ: «Мне известно о твоём биологическом возрасте все. Но... – она подняла указательный палец, – есть еще возраст психологический. Если учитывать его, то тебе подойдет мужчина более зрелого возраста. Не обижайся, но в голове ты намного старше, чем выглядишь».

– Хорошо, – ответила Вики после недолгого размышления. – Но почему от двадцати?

– А тут все еще проще. По всем законам мира женщины, обладающие таким количеством доброты, – прирожденные матери. С мужчиной тебе легче будет построить отношения мать – сын.

– Что? – не поняла Вики.

В ее голове картинка никак не хотела складываться. Она крутила эти частички в разные стороны, пытаясь подобрать правильную комбинацию, но все тщетно. Виктория иногда любила собирать пазлы, но сейчас было не то время и не то место.

– Я не понимаю, как это может сложиться, – наконец выдавила она из себя.

– Вот и я не понимаю, – тяжело вздохнула Маша. – Я наблюдала за тобой с самого первого дня. Я, конечно, понимаю, что женщина должна быть разной, но у меня все время складывается впечатление, что я разговариваю с двумя разными личностями. Причем, ожидая услышать ответ от одной стороны твоего «Я», неожиданно получаю от другой.

– Я же – близнец, – заявила Вики. – Мы все такие.

– Да уж, – ухмыльнулась Маша. – У меня есть знакомые близнецы и поверь мне, они не такие, как ты. В них есть двойственность. Но... – она задумалась, подбирая метафору, – но... Вот например, если сравнивать их с деревом, то у них один ствол и много-много веток. У тебя же этих стволов два, – глубокомысленно закончила она, рассчитывая, что дала исчерпывающий ответ, но, увидев лицо Вики, поняла, что этого недостаточно. – То есть, я хочу сказать, что один человек в отдельно взятую единицу времени может идти только по одной дороге. Ты же умудряешься идти сразу по двум.

Теперь Виктория поняла ее мысль. Она задумалась, смотря на Машу, как на маяк, и стараясь понять, как приблизиться к берегу так, чтобы остаться на плаву. Но ее размышления были прерваны.

– Вы можете поднять трубку и ответить, – услышала Вики голос.

Обернувшись, она увидела искаженное злой улыбкой лицо начальника. Не понимая еще, что происходит, она так и смотрела на него, витая где-то далеко-далеко в своих мыслях.

– Зачем так кричать? – тут же вступилась Маша. – Вы же ничего не теряете от того, что мы немного отвлеклись.

Маша надула губки и посмотрела на него невинными глазами. Начальник покраснел и опустил голову.

– У нас много звонков, – добавил он уже более мягко. – Пожалуйста, отложите свои разговоры и займитесь делом.

– Да-да-да, конечно, – заявила Маша, провая его взглядом. – Что с тобой? – спросила она уже у Вики. – Ты так выглядишь, будто бы готовишься в мир иной.

Виктория ничего ей не ответила. Хотелось кричать, но она промолчала. Хотелось заплакать, но она улыбнулась. Хотелось вытащить сердце из груди, так сильно и невыносимо оно билось, но она лишь глубоко вздохнула. Хотелось выброситься с самого высокого здания, но она лишь отпила глоток чая. Хотелось выплеснуть остатки чая в лицо Маше, но она спокойно поставила кружку на стол. Хотелось послать всех куда подальше, но она машинально взяла трубку звонящего телефона и милым голосом сказала: «Служба технической поддержки. Виктория. Слушаю вас».

– Пойдем на обед, – предложила Маша через какое-то время. – Ты сегодня, как робот. Ни на секунду трубку не выпускала из рук. По-моему ты уже выполнила дневную норму и можешь идти домой, – попыталась пошутить она, но Вики даже не улыбнулась. – Я тебе отправила на почту параметры для доступа на сайт знакомств.

– Спасибо, – машинально ответила Вики.

Она решила прогнать гнетущее непонятно откуда взявшееся чувство тревоги. Вики улыбнулась и направилась в столовую.

– О, боже, – громким шепотом произнесла Маша так неожиданно, что Вики уронила только что взятый поднос.

– Ты меня напугала, – тут же заявила Вики, нервно хихикая.

– Аккуратнее, Виктория. Тут же люди стоят, – заметила Маша, указывая зрачками глаз куда-то вправо.

Вики прошла по следу этого взгляда и поняла всю серьезность ситуации: там, то есть прямо перед ними стоял красавец, которого они видели вчера. Вики стало смешно, она хихикнула, но гневный взгляд Маши заставил ее отвернуться к полкам с салатами, которые она стала очень усердно рассматривать.

– Я бы посоветовал вашей коллеге поменять поднос. Думаю, что пол здесь не очень чистый, – сказал прекрасный незнакомец, смотря прямо в глаза Маши.

«Голос у него очень приятный, – отметила про себя Вики, а вслух произнесла: «Да, ничего. Мне и так сойдет».

Эта фраза заставила взгляды Маши и незнакомца разъединиться. Они повернулись к Вики и недовольно на нее посмотрели. И тут только она поняла, что хоть и говорили о ее подносе, но к ней разговор не имел никакого отношения. Вики сконфуженно отвернулась.

– Никогда раньше не видел женщин с такими прекрасными глазами, – сказал мужчина, на что Маша улыбнулась еще шире. – Вы, наверное, часто слышите это, правда?

Не успела Маша ничего ответить, а позади кто-то спросил грубым голосом: «Если вы решили устроить здесь свидание, то можете выйти из очереди, чтобы другим не мешать». Прошло еще пару секунд, прежде чем он отвернулся и прошел к кассе. Маша сделала глубокий выдох, а потом развернулась и взглядом разъяренной волчицы посмотрела на ту, кто им мешал. Она сделала характерный жест, означающий: «Я тебя запомнила» – а потом снова повернулась к нему.

– У тебя чудесные волосы. Ты выглядишь, как конфетка: такая сладкая и притягательная, что хочется сорвать обертку и съесть, – добавил он уже тише, но так, что Вики слышала это. – Уверен, что на вкус ты такая же сладкая, – улыбнулся он.

Они подошли к кассе, и он протестующе закивал головой, видя, что Маша открывает кошелек. Он заплатил за них обоих, и они сели за маленький столик возле окна. Он был расчи-

тан на двоих, и Вики пришлось искать себе свободное местечко в другом месте. Она обиделась на Машу, потому что та вела себя так, будто ее и не существовало вовсе. Вики изредка поглядывала на их столик, и глаза ее становились все шире. Сначала он взял ее за руку, а потом она начала водить своей ножкой по его ноге. Они не отводили друг от друга взгляда ни на минуту.

Вики быстро доела свой обед и отправилась на рабочее место. Спустя некоторое время пришла и Маша. Она рухнула на стул и тяжело вздохнула.

– Ох, Виктория, – сказала она. – Какой мужчина, а?

Но не получив ответа тут же добавила: «Зависть. Что поделаешь?».

– Я не завидую, – коротко ответила Вики. – Мне обидно, что ты меня бросила.

– Да? – удивилась Маша. – Но ты должна меня простить. Я уверена, если бы он смотрел на тебя так, то ты бы меня тоже бросила.

– Не думаю, – заметила Вики, смотря в монитор и ища свободные заявки.

– Ты так не думаешь, потому что ни один мужик на тебя так не смотрел.

Вики ничего не ответила, подумав, что Маша решила ее обидеть. Да, она всегда была белой вороной. А точнее серой. И ей это нравилось, нравится и будет нравиться. Она знает, что стоит не так много и иллюзий никаких не строит. Но когда кто-то говорит об этом в открытую, то ей становится обидно. Когда кто-то проговаривает то, о чем ты хочешь забыть, то становится больно.

– Ты, что и правда обиделась? – Маша попыталась взглянуть в глаза Вики, но та не поворачивалась.

Тут Маша вскочила со стула и обняла Вики.

– Что ты делаешь? – Вики стала вырываться.

– Прости меня, пожалуйста, – жалобно попросила Маша. – Я не думала, что ты не знаешь об этом.

– О чем этом?

– О том, что есть негласное правило: при появлении на горизонте подходящего мужчины женщины перестают быть стаей и становятся одинокими хищницами. Это же нормально. Женской дружбы не бывает.

– Да уж. Я об этом правиле действительно никогда не слышала.

– Ты что? Меня этому научили еще в школе. Все женщины – соперницы. И относиться дружески к ним можно только при отсутствии мужчин.

– Тогда почему ты мне помогаешь? Зачем ты тратила время на составление анкеты? Зачем водила меня в магазин? Согласно твоей логике получается, что ты помогаешь сопернице.

Маша улыбнулась ей, как мама улыбается несмышленому ребенку.

– Вика, ну какая же ты мне соперница? – ласковым голосом произнесла она.

– Да, точно, – грустно улыбнулась Вики, поняв, что Маша имеет в виду.

Конечно, как можно сравнивать красавицу Машу и дурнушку Викторию? Да, никак. Это то же самое, что сравнивать трактор и Кадиллак. Спрос на то и другое есть, но нужны они разным покупателям, поэтому конкуренции между ними быть не может.

Всю оставшуюся часть дня Маша тяжело вздыхала и смотрела на часы. Ровно в восемнадцать ноль ноль в дверях появился он. Маша вспорхнула, через плечо кинула «Пока» и, не дождавшись ответа, улетела.

«Желаю удачи, – проговорила про себя Вики».

Она собралась и тоже пошла домой.

– Виктория, – тихо сказал Максим, когда она проходила мимо его стола, и ей пришлось остановиться. – Может быть, мы куда-нибудь сходим?

– Куда? – грустным голосом спросила Вики.

– Не знаю, – улыбнулся застенчиво Максим.

– Вот и я не знаю, – ответила Вики, развернулась и быстро вышла из кабинета.

На улице лил дождь. Он был такой сильный, как водопад. Зонт постоянно искривлялся то в одну сторону, то в другую, намекая на то, что при его производстве не рассчитывали на такие нагрузки. В одном месте он прохудился, и иногда капелька с дырки падала на щеку Вики. Она чуть-чуть повернула зонт, но теперь хлястик мотался прямо перед ней. Это было неприятно, и она повернула зонт еще на девяносто градусов. Теперь отлично. Вики знала, что зонт пора менять. Уже давно пора. Но она к нему так привыкла. Ей очень нравились зонты-трости. Она часто видела девушек под ними: однотонными, разноцветными, с рисунками, бантами, рюшами. Все это было очень красиво, слишком красиво для нее.

– Идиот, скотина, – услышала она возле себя женские крики.

Мимо проехала машина и окатила почти по пояс ее и женщину, стоящую рядом. Машина остановилась, и из нее вышел мужчина.

– Извините меня, пожалуйста, – начал было он, но женщина его прервала: «Извините, извините. Что мне делать с вашим извините?».

– Я могу довести вас до ближайшей химчистки. Хорошо? – тут же предложил он.

– Конечно, хорошо, – не успокаивалась дама. – Вы еще за нее и заплатите, – грозила она ему.

– Конечно, заплачу, – улыбнулся он и повернулся к Вики. – А вы? – спросил он.

– Я в порядке, – пролепетала Вики, хотя с ее пальто еще стекала грязная вода.

Он постоял, задумчиво ее рассматривая, но потом взял под руку орущую мадам и отправился с ней к машине. Загорелся зеленый свет, и Виктория пошла дальше. Перейдя дорогу, она достала носовой платок и вытерла пальто насколько это было возможно.

– Сегодня не мой день, – тихо она сказала сама себе.

Зайдя в свою комнату, Вики, не включая света, повалилась на кровать и заплакала: тихо, рыдая в подушку, чтобы никто не услышал. Это было не так обидно. Обиднее, когда рыдаешь на всю квартиру, так, что даже соседи наверняка слышат, но никто не подходит. Когда же тихонько плачешь в подушку, то создается впечатление, что в мире много людей, которые готовы подойти и пожалеть, но они просто не знают о том, что тебе так плохо. В таком случае не происходит разочарования в мире, других людях, нет ощущения одиночества.

Наплакавшись вдоволь, Вики лежала на кровати и смотрела в потолок.

– Я – человек, – сказала она сама себе. – Я – женщина. Красивая, – слезы снова хлынули из ее глаз. – Умная, добрая, довольная жизнью.

Тут она вспомнила про анкету на сайте знакомств. Включив компьютер и введя логин и пароль, Вики продолжила читать свою анкету. В графе «Цель знакомства» было написано следующее: «Я хочу выйти замуж, родить не менее двух детей, быть любимой и любящей женой и матерью. Если вы рассчитываете на то, чтобы просто мной попользоваться и свалить, то можете даже не надеяться: в моем мозгу встроен чип, улавливающий десятки оттенков лжи. Так что лучше не тратьте мое и свое время». В описании самой Вики было написано следующее: «Да, я не красавица. И умом особо не блещу. Но... Если вы хотите жить с ангелом, то можете смело на меня рассчитывать. Я – добрая, чуткая, податливая девушка, способная скрасить ваши одинокие вечера. Могу поддержать разговор почти на любую тему. Музыка слушаю разную, кино смотрю любое. Главное для меня – чтобы любимый был рядом. Детишек у меня нет, но очень хочется их завести. К детям партнера буду относиться, как к своим собственным. Можете приглашать меня куда угодно, но только с намерениями, описанными выше».

После того, как Вики прочла все это, ее челюсть опустилась и не хотела подниматься. Подумав про себя, что у Маши точно крыша поехала, она все же из любопытства решила почитать сообщения, которые ей пришли.

«Привет, котенок. Зря ты пишешь, что не красивая. Я готов с тобой пройти хоть в ад, хоть в рай. Но у меня есть один пункт: первое свидание только у меня дома. Я же должен почувствовать, какая ты ... Ну ты меня понимаешь?».

«Ты мне нравишься!»

«А я люблю таких, как ты. Они в постели всегда такие горячие. Приходи ко мне. Или звони, если хочешь сначала пообщаться. Мой номер есть в анкете!».

«Ты бы хотя бы нарядилась перед тем, как фотографироваться... Аж тошнит. Не позорься – убери убожество. А если ты на самом деле такая, то иди лучше повесься или яду выпей, или из окна выпрыгни. Это уж как тебе самой нравится».

«Я с такими не вожусь. Детекторы лжи с последней отсидки не люблю. Пока».

«Я работаю в правоохранительных органах и очень хочу узнать, что это за чип у вас такой и где вы его приобрели. Звоните, пообщаемся. Телефон «02».

«Слушай, ты мне понравилась. Так даже лучше. Известно же, что бабы после свадьбы портятся. А ты все по-честному. Уважуха. Давай встречаться».

Из всех сообщений, что она прочла, было не больше десяти адекватных. Почитав же анкеты, она поняла, что готова ответить только двум. Один из них просто написал: «Ты мне нравишься». А второй: «По-моему, у тебя комплекс неполноценности. Готов тебе помочь». Первому она ответила: «Привет. Спасибо». А второму: «Привет. А чем ты можешь помочь?». Оба кандидата были не в сети. Она еще погуляла по сайту, рассматривая анкеты мужчин и женщин ее возраста. Посмотрев на часы, поняла, что уже поздно, но тут пришло еще сообщение: «Мне нравятся странные личности. Как ты относишься к БДСМ?».

Вики не знала, что это такое, но всемирная паутина быстро выручила. Почитав и посмотрев картинки, она возмущенно написала: «Мне это не интересно». Далее проследовал такой разговор:

– Почему?

– Потому что это насилие.

– Тебе будет не сильно больно. Я – опытный. Зато знаешь, как это возбуждает?

– Нет, не знаю, и знать не хочу.

– Ты не поняла. Я не рассчитываю на секс с тобой. Конечно, он может быть. Но только, если ты сама захочешь.

– А, если не захочу?

– Тогда не будет. Но... на моей памяти такого еще не было. Обычно женщины умоляют, чтобы я им...

– А, может быть, ты засовываешь им кляп в рот, чтобы они не были против.

– Кляп я засовываю только в одном случае: если после десятого раза женщина кричит «еще», а я уже больше не могу. Не мальчик уже.

Вики посмотрела на возраст партнера: тридцать один. Да уж, если он не мальчик, то она уже тоже не девочка.

– Прошу обратиться с подобными предложениями к другим. Удачи!

– Зря ты отказываешься. С твоей внешностью такой шанс один раз в жизни выпадает.

– Да, вот он выпал, и я его уже потеряла.

На этом их разговор закончился, но тут же появилось еще одно сообщение: «Привет. Что делаешь?». Вики подумала: отвечать или нет, но все же набрала короткое «Думаю о жизни» и отправила. В ответ тут же получила: «В такое время девушки не должны думать. Они должны стонать. Приезжай ко мне. Я все сделаю так, что у тебя голова еще долго думать не будет».

Вики поморщилась и вышла с сайта. Она тяжело вздохнула, но, вспомнив о двух мужчинах, от которых еще не получила ответа, улыбнулась. В эту ночь уснуть ей не удавалось: в голове кружились картинки, где два рыцаря борются за ее руку, потом свадьба, дети, внуки, ее похороны и рай. Картины были яркими, сочными, словно их рисовал Матисс.

На следующее утро, Вики проснулась от телефонного звонка.

– Алло, – хриплым, не проснувшимся голосом, ответила Вики.

– Привет, – томно ответила Маша.

– Маша, ты хоть знаешь, который час? – спросила Вики.

– Я знаю. Извини. Я просто думаю, что позже позвонить не получится. Ой, – вскрикнула она в самую трубку, и Вики окончательно проснулась. – Слушай, скажи, пожалуйста, на работе, что я заболела, ладно?

– Чем заболела? – не поняла Виктория.

– Чем, чем? Скажи, что у меня любовная лихорадка, – засмеялась она. – Ой, ладно, пока.

Маша отключилась, а Вики посмотрела на часы: ровно семь. Имея еще полчаса, которые можно потратить на сон, она, распираемая любопытством, вскочила с кровати и включила компьютер, решив потратить свободное время на сайт знакомств. Уж очень ей хотелось посмотреть, что там ответили. Но ответ от первого кандидата, который писал, что она ему понравилась, разочаровал: «Я случайно нажал на кнопку, вот тебе и пришло это сообщение. Оно ничего не значит». Второй же ответил следующее: «Чем я могу помочь? Я знаю одно очень хорошее средство, известное человечеству уже очень давно. Его история настолько древняя, что никто не знает, откуда появилось это лекарство. Оно помогает всем. И тебе поможет». Он был в сети, и Вики быстро набрала: «И что же это за лекарство?». Она рассчитывала получить ответ: «Любовь» или «Семья», или «Дети», но ответ был до банального прост: «Это секс, детка, которым я готов напоить тебя до самых краев». Вики сморщилась и тут же написала: «А еще что-нибудь в вашем магазине есть?». Ответ был такой же быстрый: «Для тех, кого не интересует секс, есть другое лекарство. Называется „Смерть“. Женщина, неспособная насладиться мужчиной, должна умереть, чтобы не засорять человеческий род». Вики вышла с сайта. Она тут же вспомнила Машу, а потом решила, что в обеденный перерыв перепишет свою анкету. Быстро позавтракав и собравшись, она надела пальто и ужаснулась: оно было по пояс в грязных пятнах. Вспомнив про вчерашний инцидент, она скинула пальто и надела свою тоненькую ветровку. Ничего другого у нее не было, а на работу она просто обязана прийти, хотя бы для того, чтобы выгородить Машу.

Еле-еле добравшись до своего рабочего места, Вики села на стул и съежилась. Раздеваться не хотелось: холод сковал все. По дороге ей казалось, что ветер проник даже внутрь ее костей и разгуливал там, как у себя дома.

– Привет. Ты чего не раздеваешься? – спросил Максим так, будто вчерашнего разговора вечером и не было.

– Привет. Сегодня холодно, – ответила просто Вики.

Максим ушел, а через пару минут вернулся с кружкой горячего чая.

– Спасибо тебе большое, – пролепетала Вики и прижала ладони к обжигающей керамике.

Максим улыбнулся и вернулся за свой стол.

Вики стало стыдно за свое вчерашнее поведение, но желания пойти куда-то с Максимом у нее так и не появилось. Звонков не было, заявки все уже были разобраны, и Вики отправилась снова на сайт знакомств. Она даже не стала смотреть новые сообщения, а открыла анкету и стала ее редактировать. В итоге получилось следующее:

«Познакомлюсь с парнем до тридцати пяти лет.

Цель знакомства: дружба, общение, возможно брак.

Семейное положение: не замужем.

Мои интересы: размышления, работа.

Любимая музыка: классика.

Любимое кино: мелодрамы.

Занятия спортом: изредка, по желанию, но держу себя в форме.

Предпочитаю в выходной день: сидеть дома или гулять по городу.

Детей нет, пока не хочу».

Информацию о своем весе и росте Вики решила не размещать, а фотографию поменяла на ту, что была сделана в более ранний период, когда она еще пыталась соответствовать стандартам: носить то, что носят многие, краситься и прихорашиваться. Вики понимала, что мужчины любят глазами. Но, не успев изменить еще фото, она подумала, что чем хуже выглядит, тем меньше шансов на получение сообщений с предложениями провести одну незабываемую ночь в объятиях чудесного мужчины. В итоге, фотография осталась прежней. Изменив данные в анкете, Вики стала читать сообщения, которые пришли за ночь и утро.

«Привет, котенок. Я по тебе очень скучаю».

«Привет. Приезжай ко мне: ул. Гагарина, 16. Я тебя встречу. Очень жду».

«Какая же ты страшная. Тебе бы в парандже ходить».

«Давай знакомиться. Меня зовут Георг. Он же Жора, он же Гоша, он же Грег».

«Хочу тебя... Одну тебя... Готов на все...».

И так далее, и тому подобное. Все сообщения подобного толка были удалены тут же, а кандидаты отправлены в черный список.

Осталось только три записи, которые пришли уже после того, как были внесены изменения в анкету.

«Размышления? О чем размышляешь?»

«А почему детей не хочешь?»

«Я тоже люблю сидеть дома. Давай сидеть вместе».

На них соответственно ответила:

«Размышляю я о жизни. О том, зачем мы пришли в этот мир, что нам суждено, что такое счастье, есть ли генетическая предрасположенность к тому, чтобы стать счастливым и все тому подобное».

«Там написано „пока не хочу“. Чувствую, что пока не готова стать мамой».

«Давай. Только, если мы будем сидеть дома, то тогда никогда не встретимся».

После отправки последнего сообщения ей стало грустно и очень-очень одиноко. Вики припомнилась картина Матисса «Обнаженная женщина». Что-то в ней было близкое, родное. Вики, посещая музей, всегда подходила к этой картине. Она подолгу перед ней сидела и думала. Ее черные глаза без зрачков, будто ворота в другой мир, звали и тянули. Корпус давал понять, что она готова развернуться и уйти. Но позади нее нет двери, есть только грязная стена. Но женщину это ничуть не беспокоит. Зрачков нет, но есть глаза: пустые и в то же время пленяющие, темные и одновременно добрые. Обнаженность ее тела прикрыта скромностью и ничуть не вульгарна. На нее приятно смотреть, рассматривать, заглядывая в темноту, узнавать себя, других, искать новых, прощаться, уходить. Картина, на которой изображена лишь одна женщина, показывала тысячу лиц. Оставаясь собой, она одновременно была и кем-то другим.

«Двойственность, – подумала Вики. – Вот, что в ней есть. Это мне в ней и нравится».

Придя к такому простому выводу, Вики улыбнулась. Даже странно, что она раньше не могла понять это. Нам нравятся те люди, которые похожи на нас, поэтому обнаженная женщина и была так близка Вики.

– Вы опять мечтаете? – спросил начальник миленьким и тошнотворно-приторным голоском, от которого Вики вздрогнула.

– Добрый день, – быстро ответила она, соображая, что же ей ответить.

– Добрый-добрый, – ответил он, добавив еще две ложки сахара в свой голос, отчего он стал совсем невыносимым. – А где ваша коллега? – пел он свою песню, делая вид или на самом деле не замечая отворачивания на лице Вики.

– Она заболела. Ее продуло. Она лежит дома и плохо себя чувствует.

– Ай-яй-яй, – запричитал он. – Как обидно. Я ей позвоню сейчас и пожелаю выздоровления.

– Что вы? Это так мило с вашей стороны, но знаете... Она... Она... У нее такой сильный кашель и так горло болит, что она не сможет с вами разговаривать.

– Должно быть, она очень сильно болеет, – сокрушался начальник. – Так сильно, что даже муж ее звонил и спрашивал, где она. Вы, кстати, не знаете, где она болеет? Я имею в виду географически.

Вики, почувствовав, что краснеет, опустила глаза. Она очень хотела помочь подруге, но врать никогда не умела: ни для себя, ни для других.

– Нет, я ее не видела. Она сегодня утром мне звонила, – попыталась она сказать как можно увереннее, но голос предательски дрожал.

– Понимаю. Передайте ей, пожалуйста, чтобы она, как будет здорова, зашла ко мне. Хорошо? – получив кивок Вики, он заглянул в ее компьютер и поцокал языком. – Ая-йя-йя. Чем вы на работе занимаетесь?

Вики подняла голову и увидела на мониторе страницу браузера, отображающую ее анкету. Она тут же свернула окно, покраснев еще больше. Только сейчас она почувствовала, что по-настоящему согрелась: кровь бегала по ее венам с бешеной скоростью.

– Вы все еще надеетесь, – ухмыльнулся он. – По-моему, в вашем случае, это пустая трата времени. Займитесь лучше работой, – посоветовал он и удалился.

Вики было стыдно, а еще больше обидно. Он – коротышка с масляными маленькими глазами, лысиной на затылке, круглым, как барабан животом и противным голосом, как он может ей говорить такое.

– На себя посмотри, – пробурчала Вики.

С тех пор, как Маша занялась ее судьбой, стало только хуже: надежда, не имеющая под собой никаких оснований, кренилась, шла под откос и того и гляди должна быть упасть. Раньше было проще: я – уродина, никому не нужна, ни от кого не завишу, ничего никому не должна. Теперь же было иначе: я – уродина, возможно, кому-то нужна, завишу от мнения других, должна стараться быть красивой и привлекательной. Вики почувствовала, что ее сейчас стошнит. Выпив глоток сладкого чая, она посмотрела на Максима. Он улыбнулся, она в ответ ему тоже улыбнулась. Но испугавшись, что он может неправильно понять ее, быстро повернула голову к монитору. Ее улыбка означала только благодарность за горячий чай. Так благодарят брата или сестру, но не того, кого любят. Вики знала об этом, но не могла понять, знает ли об этом Максим.

Начались звонки, работа закипела: «Здравствуйте...», «До свидания». В промежутках выяснение проблем, попытка решить их. Если не удастся, то сразу перевод на другой отдел. Одна схема, где нет возможности ступить вправо или влево. Все заранее понятно. Вики нравилось это. Стабильность, о которой она так мечтала, наконец, пришла. Но вместе появилось и чувство, будто она деградирует. Поначалу оно немного пугало: Вики старалась больше гулять, что-то смотреть. Потом сил становилось все меньше, желание пропадало, а удовлетворение и вовсе исчезло. Все стало серым. В солнечные дни она старалась идти по теневой стороне, а не морщиться от лучиков, которые заглядывали в ее глаза сквозь толстые очки. Если все серо, то все понятно, а цвета сбивают с толку, заставляют задумываться: подходят они другу другу или нет.

– Пойдешь на обед? – спросил ее Максим.

– Да, – согласилась Вики.

Они поднялись и направились в столовую. Он шел впереди, и Вики могла рассмотреть его: сквозь рубашку проглядывали кости, они торчали так, будто их вынули, а поставить на место забыли. В его темных волосах виднелась перхоть, а руки висели, как два поленца, не понятно за что держащиеся. Спина сутулая, уменьшала и без того, невысокую фигуру, ноги слегка кривоваты. Ступни встают на пол не елочкой, как часто ходят мужчины, а косолапят.

Он, может быть, и был бы похож на медвежонка, но только после зимней спячки: взъерошенный и худой. Голос ему был дан мягкий, чтобы смягчить всю угловатость его фигуры.

– А Маша почему не пришла сегодня? – спросил он.

Вики не обиделась на то, что он говорит о Маше, посчитав это неопытностью молодого человека.

– Она заболела. Позвонила сегодня мне и сказала, что не придет.

– Ясно. Жалко. Очень надеюсь, что она завтра придет. Она такая интересная.

– Да, – согласилась Вики, почувствовав легкую обиду.

– Она мне очень нравится, – признался Максим, когда они сели за столик. – Ничего, что я так откровенно? – вдруг испугался он своих слов.

– Ничего, – тихо ответила Вики, желая провалиться сквозь землю и не слышать этого.

– А с другой стороны я давно хотел с тобой поговорить, а Маша всегда была рядом и это не получалось. Я хотел тебя кое о чем попросить. Можно? – спросил он робко.

– Да, конечно, – с доброй улыбкой на лице отозвалась быстро Вики.

– Ты же ее подруга. Вот я и подумал. Может ты ей намекнешь как-нибудь, что она мне нравится, а?

Он заглядывал Вике в глаза, рассчитывая встретить там поддержку, но она опустила взгляд, боясь разбить его надежду.

– Ты же знаешь, что у нее есть мужчина.

– Маша не такая женщина, которая на это обращает внимание, – улыбнулся Максим.

– Тогда я не понимаю. Допустим, вы начнете встречаться, жить вместе. И ты же всегда будешь знать, что у нее, помимо тебя, может быть еще кто-то. Неужели ты на это согласен?

– Конечно.

– Может ты объяснишь, – потребовала Вики, надеясь хоть что-то понять в мужском поведении.

– Я думаю, что ты никогда не поймешь, – мягко ответил Максим.

– Это почему же? – возмутилась Вики. – Что я тупая? Или ущербная какая? – она злилась все больше и больше.

– Я думаю, что у тебя что-то случилось, что ты стала холодной, как лед, – быстро ответил Максим.

– Я не холодная, – запротестовала Вики. – Я – сдержанная.

– Хорошо, пусть сдержанная, – согласился Максим, пытаясь ее успокоить.

– Да, что ты понимаешь? Я тебя ни разу рядом с девушкой не видела.

– Если ты на что-то обиделась, то извини. Я не хотел. Но не обязательно сразу наезжать на меня.

– Обиделась? Я? На что? – голос ее стал настолько громким, что люди за соседними столиками начали оборачиваться на них.

– Слушай, я виноват, что начал этот разговор. Давай сегодня после работы зайдем в кафе, попьем кофе. Я хочу, чтобы ты простила меня.

– Я занята сегодня, – выскочила привычная реплика.

– Слушай. Правда, мне будет приятно с тобой попить чай. Или кофе... Ты что любишь?

– Я люблю чай. Зеленый, – ответила Вики уже более мягко.

После работы они вместе направились пить чай. Зеленый чай.

– Что это? – спросила Вики, когда увидела вывеску «Труба».

– Это вывеска, – улыбнулся Максим.

– Я вижу, что вывеска. Но, как мне помнится, мы собирались попить чай.

– Да, здесь заваривают самый лучший чай. Вот увидишь, – заверил ее Максим и открыл дверь.

Вики вошла. Обстановка ей не понравилась, хотя музыка была приятная. Максим повел ее в угол и сел за столик для двоих. Он помог ей снять пальто и пододвинул стул, что сгладило неприятные чувства по поводу этого заведения.

– Что ты будешь? – спросил Максим.

Его глаза горели, как два огонька, а улыбка не сходила с лица.

– Чай зеленый, – повторила Вики цель своего прихода.

– А с какими добавками? С мелиссой, мятой?

– Просто зеленый чай.

Максим позвал официанта, а Вики посмотрела по сторонам и заметила двух мужчин, сильно подвыпивших, сидящих за барной стойкой. За столиком неподалеку от них сидели двое мужчин в той же кондиции, один из них еще и курил. Больше в небольшом помещении бара никого не было.

– Тебе понравится здесь, – снова улыбнулся Максим.

Вики ничего на это не ответила, а лишь приподняла левую бровь. Максим, возможно, принял это за знак одобрения и начал что-то рассказывать о своем детстве, потом о его первой школьной любви, потом еще что-то. Сначала Вики слушала, но спустя какое-то время стала ловить себя на мысли, что помещение начинает плыть перед ее глазами.

– Ау-у-у, – услышала она голос Максима. – С тобой все в порядке?

– У меня что-то голова кружится, – еле ворочая языком, ответила Вики. – Я думаю, это из-за запах сигарет. Помещение не проветривается, а я не привыкла, что так мало кислорода. Мне надо выйти и подышать свежим воздухом.

Вики попыталась подняться, но Максим мягко надавил на ее плечи и усадил обратно: «Давай подождем, пока принесут чай, попьем, а потом и пойдем, хорошо?».

– Его что-то долго не несут, – начала было говорить Вики, но тут появился официант.

Он поставил небольшой чайничек и два бокала. Блюдца и ложечки для сахара отсутствовали. Вики решила, что это очень дешевое заведение, но Максиму ничего не сказала: он же хотел извиниться перед ней. И извинялся он на ту сумму, которую мог себе позволить. Она взяла чайничек, чтобы разлить чай, но Максим остановил ее: «Давай подождем немного, пока заварится».

У Вики уже не было сил сопротивляться. Она откинулась на спинку кресла, уставшая, но почему-то очень счастливая. Ей было здесь очень хорошо, не физически, а духовно. Она почувствовала легкость и свободу. Огорчало только непроходящее чувство тошноты.

– Чай заварился, – сказал Максим и разлил чай по чашкам.

В нос Вики ударил резкий запах какой-то травы.

– Это не зеленый чай, – неожиданно для себя засмеявшись, сказала Вики.

– Это чай. Это очень хороший травяной чай, – ответил Максим. – Ты пей, пей.

Вики взяла чашку и сделала первый глоток. На вкус немного горько и запах показался как будто знакомым.

– Это полынь? – сказала Вики, продолжая пить, почувствовав неожиданно сильную жажду.

Максим ничего на это не ответил. Он допил свой чай и предложил проводить ее до дома.

– Я еще не допила, – стала сопротивляться Вики.

– Тебе уже достаточно на первый раз.

– На первый раз? – не поняла Вики.

Но Максим накинул ей куртку на плечи и повел из бара. Снаружи уже стояло такси.

– О-о-о, какая прелесть, – захлопала в ладоши Вики. – Это уже лишнее.

Максим посадил ее на заднее сиденье, а сам сел рядом. Он назвал какой-то незнакомый для Вики адрес, но у нее уже не было сил что-то говорить. Она уснула.

– Солнышко, солнышко, – услышала она.

Голос был совсем рядом. Она чувствовала горячее дыхание. Вики открыла глаза и увидела Максима.

– Где это я? – спросила она.

– У меня, – шептал он и стал целовать ее в шею.

– Да, ты что? – она попыталась встать, но тут же поняла, что руки ее связаны.

– А ну быстро развяжи меня, – приказала она.

– Ты ошиблась, котенок, – Максим все также улыбался, – сегодня я приказываю, а ты выполняешь.

– Я не хочу, – сказала Вики, сжала губы и повернула голову в сторону, чтобы не видеть Максима.

Он лишь усмехнулся и стал задирать ей юбку.

– Нет, – вскрикнула она, но Максим закрыл ей рот.

– Забудь это слово на сегодня, ладно? Если ты захочешь его произнести, то лучше молчи.

Иначе мне придется закрыть этот чудесный ротик, а мне очень-очень хочется его целовать. Договорились?

Вики стало страшно. Она помотала головой в знак согласия, и он убрал руку.

– Максим, ты, наверное, что-то принял и не понимаешь, что делаешь. Но поверь, тебе лучше отпустить меня...

– А то что? – засмеялся он.

– Я пойду в полицию, – пригрозила она.

– После того, что я с тобой сделаю, ты в полицию не пойдешь, – увидев ее испуганные глаза, он продолжил уже более мягко: «Я не собираюсь тебя убивать... Но сделаю так, что ты почувствуешь себя очень счастливой».

Его руки стали снимать колготки.

– Не надо, пожалуйста, – захныкала Вики. – Нет.

Он сильно схватил ее за лодыжку и рывкнул: «Мы же договорились».

Вики заплакала, но Максиму было все равно. Он что-то бормотал про то, что все бабы такие: сначала «Не надо», а потом «Давай еще», что ему еще ни одна не попадалась, чтобы вела себя иначе... Конечно, кроме проституток.

Он бормотал, но дело свое делал: за колготками с нее полетела юбка, а потом и трусы. Вики пыталась освободить руки, но они были хорошо связаны. Он задрал ее водолазку и растянул лифчик.

– Тебе понравится, котенок. Тебе очень понравится, – пыхтя, повторял он.

– Не надо, – шептала Вики, – не надо, – сквозь слезы она увидела, что он растягивает штаны.

Он схватил ее за волосы и дернул так сильно, что Вики закричала от боли.

– Если не можешь сказать что-то умное, то будешь кричать, – прохрипел он и раздвинул ей ноги.

Вошел он, как все: ничего особенного Вики не почувствовала. Он делал все то же самое, что и другие. Пытаясь погрузиться как можно глубже, он бился, как рыцарь, но его меч был не тем орудием, которым можно сделать что-то существенное. Он вышел из нее, а потом сказал: «Теперь ты».

Сначала Вики не поняла, но потом вдруг увидела мужчину из бара, который курил отвратительную сигарету. Она хотела закричать, но Максим закрыл ей рот какой-то тряпкой.

– А кобылка попала с характером, – засмеялся мужчина и растянул штаны.

– А теперь ты поймешь, почему ты ничего никому не расскажешь, – сказал ехидно Максим и включил камеру.

Вики плакала, а он смеялся, снимая ее лицо, ее тело, когда мужчина вышел из нее, то они раздвинули ей ноги и стали снимать там.

– Она хочет, ты же видишь, она хочет, – смеялся Максим.

– Еще бы, они все хотят, – поддакивал его друг.

– Смотри я даже ее ноги не держу, а она их не сводит. Значит, нравится.

– А то. Кабан ты идешь. Мы ее для тебя разогрели.

Тут Вики увидела, что в комнату входит третий мужчина. Она закрыла глаза и застонала. Но он не стал сразу входить. Сначала он поцеловал ее лоб, потом нос, потом одно ушко, потом другое. Вики попыталась свести ноги, но он уже лежал между ними, не расстегивая штанов. Руки массировали груди, потом живот, бедра. Он опустился ниже и начал целовать ее стопы, потом голени...

– Кабан, ты у нас эстет, – засмеялся Максим, снимая лицо Вики крупным планом. – Если бы ты видела сейчас, что в твоих глазах. Ты же хочешь его. А знаешь, что у тебя там? Там все течет, потому что ты хочешь.

– Заткнись, – прикрикнул Кабан и стал целовать ее бедра внутри, потом он поцеловал ее половые губы, а затем вошел в нее языком.

Вики извивалась, как змея, а он продолжал. Его язык входил все глубже. Вики застонала, но на этот раз от блаженства, которое разлилось по всему ее телу. Она хотела еще, глубже, больше.

– Хочешь, чтобы я вошел в тебя? – услышала она его хриплый голос.

Он вынул кляп из ее рта и начал языком гулять по ее уху.

– Да, – застонала Вики, чувствуя, что не может больше терпеть. – Пожалуйста... Да...

– А ты мне сделаешь кое-что взамен? – спросил он, говоря уже в другое ее ухо.

– Да, да... – простонала Вики.

Она увидела, что он выпрямился, встал на колени перед ее головой и сказал мягко: «Давай».

Вики все поняла. Она открыла рот, и он вошел туда. Вики начала делать сосательные движения. Как будто сосулька. На вкус он был немного соленый, но приятный. Она ускорила темп, но тут он вышел и сказал: «За твоё хорошее поведение тебе будет подарок». Он развернулся к ней спиной, она снова взяла его в рот, а Кабан начал языком проникать у нее между ног. Никогда еще Вики не чувствовала такого наслаждения. Она улетела в небо высоко-высоко, где не было никого: только он и она.

Все это время Максим снимал их.

– Смотри, какие соски стали, – кричал он своему другу и наводил камеру на соски.

– Да, она вся течет. Кабан ты прямо Дон Жуан, – смеялся второй.

– Нравится? – спросил он, снимая Вики с полным ртом спермы.

Когда Кабан закончил, то погладил по голове и спросил тихонько: «Понравилось?».

– Да, – простонала Вики, обессиленная, но очень довольная.

Она смотрела на него, но не могла разглядеть лица.

– Ты же знаешь, что за удовольствие надо платить? – спросил он.

– Но я же заплатила, – удивилась Вики, пытаясь закутаться в рядом лежавшую одежду.

– Нужно еще доплатить, – сказал он мягко.

– Сколько? – спросила она.

Он нежно поцеловал ее за ухом, а потом ответил: «Нас пятеро, так что осталось всего двое». Вики попыталась соскочить с кровати, но сильные руки схватили ее и стали привязывать к кровати. Кто-то другой уже заткнул ей рот кляпом.

– За все нужно платить, – услышала она снова голос Кабана.

Они входили в нее быстро, без церемоний, как заходят в свой бар: смело открывали дверь и входили, зная, что внутри им будет хорошо, весело и приятно. Сначала был четвертый,

потом Максим сказал, что хочет еще. Но пятый не уступил свое место, и Максиму пришлось ждать. Но не долго. После Максима уже больше никто не заходил. Вики почувствовала внутри себя вакуум: будто бы ее всю опустошили. Она лежала, как пустая ваза, нечаянно опрокинутая и забытая. Ей уже развязали руки, вынули кляп, но она не вставала.

– Смотрите, ей настолько понравилось, что она не хочет уходить, – засмеялся Максим и все остальные, но голоса Кабана не было слышно.

Вики приподнялась на кровати. Кто-то кинул ей на колени трусы. Она надела их, потом полетел лифчик, потом кофта, потом юбка.

– А колготки? – спросила она.

– Извини, но колготок не будет. У нас по этому поводу есть свои соображения. Так что придется тебе без колготок.

Вики обулась, кто-то сзади накинул на нее куртку и, крепко обняв, поцеловал в затылок.

– Такси внизу. Доедешь сама. Запомни: пойдешь в полицию, и они получают пленку, где ты умоляешь, чтобы тебя оттрахали. Поняла? – железным голосом спросил Максим.

– Поняла, – ответила Вики.

Она не запомнила ни одного лица. Да ей и не хотелось. Вики еле-еле спустилась по лестнице и села в такси.

И только приехав домой и закрывшись в своей комнате, она заплакала. Но слезы текли не из-за того, что ее унизили, изнасиловали, надругались над ней. Нет. Она плакала, потому что готова была все это повторить ради того, чтобы побыть еще немного под Кабаном. Он пробудил в ней то, что давно было забыто. Вики было стыдно и одновременно она хотела еще. Теперь Вики поняла, что секс может приносить удовольствие. И такое огромное, которое не приносит больше ничего. Ничего. Ей хотелось секса. Секса с Кабаном. Но чувство стыда заглушало желание. Мама ей говорила всегда: «Так нельзя. Девушка должна быть скромной».

Однажды, когда Вики было четырнадцать лет, она дралась с мальчишкой во дворе. Он был сильнее ее и повалил на землю, крепко держа ее руки и навалившись всем телом. Она чувствовала его вес, тепло, смотрела в его глаза. Неожиданно он поцеловал ее. Вики знала, что должна была кричать или вырваться, или хотя бы повернуть голову в сторону... Но вместо этого она закрыла глаза и приоткрыла свой ротик. Его язык проник в ее рот. Было страшно... Страшно приятно. Губы Вики стали отвечать на поцелуй...

– Это что здесь происходит!? – услышала она откуда-то издалека голос матери. – Пошел прочь! – крикнула она.

Мальчишка тут же убежал, а Вики так и лежала с блаженной улыбкой на земле.

– Вставай, вставай я тебе сказала! – кричала мать.

Но Вики стала что-то сообщать, только когда мать схватила ее за волосы. Ей стало очень больно и слезы полились из ее глаз. Она стояла перед матерью, низко опустив голову, не понимая, почему у взрослых все самое приятное под запретом.

– В глаза мне смотри, – услышала Вики и подняла голову.

Мать размахнулась и дала ей пощечину.

– Вот так ты должна была сделать... Слышишь!? – кричала она. – Вот так! – она еще раз ударила дочь. – Вот так! Вот так!

Пощечины падали на мягкие щеки девочки одна за другой до тех пор, пока Вики не упала без чувств.

После этого еще целую неделю ее не отпускали на улицу. Даже школа была под запретом. И всю эту неделю каждый день к ним домой приходил Сережа – спокойный юноша шестнадцати лет, сын маминой подруги. Он слушался свою родительницу во всем. Когда мать Вики прибежала к подруге в истерике, то та сразу предложила: «Надо ей создать рефлекс. Как у собаки Павлова». После этого Сережа каждый день приходил к ним домой, целовал Вики в щеку, а она давала ему пощечину.... Одну за другой... Одну за другой.

Сначала Вики было его жалко, и она только делала вид, что бьет. Но мать, неустанно присутствующая на этих воспитательных мероприятиях, заставляла бить сильнее. Так жалость к Сереже превратилась в ненависть за то, что он такой хлюпик. Потом это чувство перешло на мальчика, который тогда ее целовал, за то, что он убежал и даже не попытался вступить. Потом ей стало стыдно. На седьмой день воспитания моральных качеств Вики ненавидела весь мир, включая себя. Ей было обидно, стыдно и, наконец, жалко себя.

Вики думала, что на этом ее мучения закончатся, но мать придумала еще одну игру. Каждый день Вики вставала перед зеркалом и говорила: «Если молодой человек или мужчина обнимает меня или целует, а я позволяю ему это делать, то это значит, что я – шлюха и проститутка». Конечно, данная ежедневная молитва произносилась в присутствии матери, по окончании которой она говорила: «Вот и правильно дочка. А то не дай Бог, еще в подоле мне принесешь».

Так ее отучили быть свободной. А сегодня Кабан вернул ее на ту детскую площадку, но мамы рядом уже не было. Вики поняла, насколько она может быть развратной и опущенной. Стыд, рожденный в ее мозгу, заливал лицо красной краской, а желание, рожденное Кабаном, делало тело мягким и непослушным. Ее глаза горели, как два уголька, губы вспухли, челюсть слегка побаливала, а пульсация внизу живота не давала думать ни о ком, кроме Кабана.

Она улеглась на кровать, закрыла глаза и уснула.

Утром снова прозвенел будильник. Попытавшись встать с кровати, Вики застонала: тело болело, как после фитнес-клуба. Когда она окончательно проснулась, то вспомнила вчерашний день.

– Боже, что же мне теперь делать? – спросила она то ли себя, то ли стены, то ли бога. – Как мне идти на работу? Там же будет Максим. А вдруг... – новая мысль, как стрела, пронзила ее мозг, – вдруг он всем расскажет... Как я буду там работать, смотреть людям в глаза, здороваться? Ужас...

Вики не хотелось идти на работу, но она ясно осознавала, что все же пойдет: нужно платить за квартиру, покупать еду и хотя бы иногда одежду.

– Привет! – поздоровалась соседка, как только Вики вышла из комнаты. – Ты постриглась? Или покрасила волосы? – спросила она.

Вики вытаращила глаза, не веря своим ушам. За все время, что они живут вместе, кроме привет и пока, она от своей соседки больше ничего не слышала. А тут вдруг...

– В любом случае, ты отлично выглядишь! – сказала соседка, не дождавшись ответа. – Пока.

Она выпорхнула, как бабочка из своего кокона.

Виктория подошла к зеркалу и ужаснулась: на нее смотрела совершенно другая женщина. Нет, цвет волос и кожи был тот же, та же фигура и осанка. Но глаза... Глаза горели, как два ярких огня. Свет был даже ярче, чем солнечные лучи.

– Я – падшая женщина, – грустно сказала она сама себе, но глаза от этого не поблекли.

Зайдя на кухню, она почувствовала, что очень хочет есть, но холодильник был почти пустой. Нашлось два кусочка батона, один ломтик сырной колбасы и одно яйцо. Съедено это было почти за пять минут.

Решив, что по дороге на работу нужно зайти в магазин и купить что-нибудь, Вики вышла из дома. Солнце светило ярко, одаривая своей теплотой всех людей. У Вики невольно поднялись уголки рта.

«Как же все-таки хорошо, – думала она, идя по тротуару».

Лишь две мысли омрачали ее хорошее настроение: «Как смотреть в глаза Максиму?» и «С Кабаном она больше никогда не встретится».

В магазине Вики купила круасаны, салат, молочный шоколад и три банана.

– Привет, – поздоровалась она, зайдя в офис и увидев Машу. – Будешь круасаны? – спросила Виктория, увидев удивленное лицо Маши.

– Я буду есть круасаны только в том случае, если к ним будет подана история о твоей бурной ночи, – заявила Маша ничуть не стесняясь.

Вики невольно взглянула в сторону стола, где обычно сидел Максим, но он оказался пуст.

– Ну, рассказывай. Кто он? Это Максим? – спросила Маша.

– Что? – вскрикнула Вики. – О чем ты говоришь?

– О чем я говорю? Ты себя в зеркало видела? Ты же вся светишься. Тебе было хорошо, да? Тебе понравилось? Ну, ну же говори. Мне же интересно.

– Я не понимаю о чем ты говоришь, – злобно заявила Вики, хотя поняла, что от Маши так просто не отделаешься.

– По-моему, ты обязана мне рассказать. Это же я поместила твою анкету на сайт. Ты меня благодарить должна, а не обижаться. Хоть стала по-человечески выглядеть. А то ходила, как мертвяк, по офису. У меня даже иногда складывалось впечатление, что я на кладбище работаю, – обиженным голосом заявила Маша.

– Я не хочу об этом говорить? – негодовала Вики. – Ты же не знаешь, что вчера было.

– Я вижу результаты, – довольно улыбнулась Маша. – Они, скажем прямо, написаны на твоем лице. Но я готова выслушать всю историю.

Вики отвернулась от нее, открыла салат и начала закидывать ложку за ложку себе в рот.

– Да-а-а, – протянула Маша. – Даже и не думала, что он такой зверь, – хихикнула она.

Вики всегда старалась найти объяснение поступку другого человека, что позволяло ей не судить людей и не обижаться на них. Но в данный момент она Машу просто ненавидела.

Когда подошло время обеда, то Вики отказалась идти в столовую, сказав, что она плотно позавтракала. На самом деле есть ей хотелось зверски.

– Слушай, если не хочешь рассказывать свою историю, то я могу рассказать о себе, – сверкая глазами, предложила Маша.

Тут Вики вспомнила, что Маши вчера не было на работе, да и дома она не появлялась.

– С чего ты взяла, что мне это интересно? – гордо заявила она.

– Потому что я думала, что ты – вежливая, а сейчас вижу, что нет, – буркнула Маша, развернулась и вышла из кабинета.

Вики обернулась, но за столом Максима так никого и не было. Она достала оставшиеся от завтрака бананы и принялась их уминать. Когда с бананами было покончено, то она вспомнила про круасаны. Спустя десять минут осталась только упаковка. «Позвольте себе быть счастливей», – гласила надпись на ней.

«А что такое счастье? – подумала Вики».

Когда-то она задумывалась над этим вопросом. Этимологический словарь говорил, что быть счастливым, значит, быть причастным к чему-то, быть частью чего-то. Тогда Вики и решила, что ее несчастье произрастает из ее одиночества. «Но ведь я одинока, потому что несчастлива, – подумала она тогда». Так появился порочный круг, диаметр которого становился все меньше и меньше. Это привело к тому, что она стала бояться маленьких закрытых помещений. И еще открытых пространств с большим количеством людей, где она чувствовала себя еще более одинокой.

«А, вдруг и правда можно стать счастливее только из-за того, что кто-то живет с тобой рядом, – подумала Вики. – Вдруг правы те, кто говорит, что нужно выйти замуж и нарожать детишек? Вдруг и правда, что счастливой в одиночку стать невозможно? Вдруг и правда глупо отказывать от брака, жалея мужа, у которого будет несчастная жена?».

– Я готова употребить твои круасаны, – прервала ход ее мыслей Маша.

Вики аж подпрыгнула.

– О-о-о... Вижу, вижу. Ушла в себя, вернусь не скоро, – хихикнула Маша. – Ты на секунду дочку только вернись, дай мне пару круасанов, а потом опять возвращайся к себе.

– Круасанов нет, – заявила Вики.

– Как нет? Ты же утром принесла целый пакет. Вот уж не думала, что ты такая жадная, – совсем обиделась Маша. – Я специально к чаю ничего не брала, думала, что ты поделишься.

– Слушай, извини, – Виктории стало ее жалко, – но круасанов правда нет. Я их съела.

– Целый пакет? – сделав круглые глаза, спросила Маша.

– Да, – призналась Вики.

И ей стало снова стыдно.

– Вот так Максим, вот так недотепа.

– Слушай, хватит...

– Ладно, ладно, – сжалилась Маша. – Это для тебя большая тема. Я уже поняла. Зато, знаешь что? У меня позавчера была такая ночь, такая ночь. Ты себе даже представить не можешь. Что он вытворял... Но, я, конечно, тоже в долгу не осталась, знаю приемчики, – захихикала Маша. – Он такой, такой. Он не большой, – понизила голос Маша, – он просто огромный. Мне казалось, что меня разрывают на части. Кто бы что ни говорил, а размер все же имеет значение, – твердо заявила Маша.

Вики молчала. С каждым новым словом она чувствовала, что круасаны рвутся наружу.

– Извини меня, – сказала она и побежала в туалет.

Весь ее обед пропал. Ополоснув лицо, Вики вернулась в кабинет бледная и слегка пошатываясь.

Маша смотрела на нее и хихикала. Потом не выдержала, придвинулась к Вике и сказала: «Поздравляю с первым минетом. У меня после первого раза тоже так было: про секс вообще ничего слышать не могла».

Вике стало совсем плохо: откуда, откуда она знает, что Вики вчера впервые в жизни сделала минет? А главное, какое ей до этого дело? Она с ненавистью посмотрела на Машу.

– Поняла, не дура. Оставить в покое, дать прийти в себя и всякое такое, – Маша отодвинулась к своему столу и взяла трубку, погладила ее, прижала к груди, а потом добавила, мечтательно смотря в потолок: «По ощущениям он был такого же размера». Посмотрев на Вики, она тут же пролепетала: «Молчу, молчу».

Как назло, клиенты сегодня попадались особенно тупые.

– Нажмите на кнопку зеленого цвета, – твердила Вики уже в десятый раз.

– У меня нет кнопки зеленого цвета, – кричал с другого конца рассерженный голос.

– Кнопки какого цвета у вас есть? – спросила Вики, уже раздраженно.

– Черные и белые, – отрапортовал голос в трубке.

– Такого не может быть. Модель вашего аппарата должна иметь кнопки разного цвета...

– Я вам в десятый раз повторяю, что я – дальтоник.

Вики замолчала, обдумала, потом произнесла: «Хорошо, вы видите кнопку сверху справа?».

– Да, – ответил уверенно голос.

– Нажмите на нее, пожалуйста, – уже более спокойно сказала Вики.

– Я не могу, – снова начинал сердиться голос. – Не могу, потому что там нет кнопки. Там есть дырка, а кнопки нет.

– Таким образом, ваш аппарат подвергался механическим воздействиям. По условиям нашего гарантийного обслуживания вы обязаны привести аппарат в надлежащее состояние, – говорила, как робот Виктория. – Только после этого мы сможем оказать вам техническую помощь. У нас есть мастера, которые занимаются починкой. Вы хотите, чтобы я вас записала?

– Сколько это стоит?

Вики назвала цену, после чего услышала: «Уроды», а потом пошли гудки. Иногда, когда звонков почти не было, то гудки она не любила: монотонные, раздражающие. Но сейчас Вики слушала их, как самую любимую песню: с улыбкой на лице и закрытыми глазами.

– Его представляешь? – услышала она голос Маши.

– У меня даже нет сил с тобой препираться, – ответила Вики.

– Тогда пойдем домой: время уже подошло. Я вот думаю, а вдруг зверь – это не Максим, а ты. Ты же пусть и в таком состоянии, но явилась на работу, а он так и не пришел. Рассказывай-ка, что ты с ним сделала? Он жив?

Маша засмеялась, а Вики подняла глаза к небу, надеясь на то, что кто-нибудь там наверху увидит ее, сжалится и скинет кирпич на голову Маши. Или еще что-нибудь сделает, лишь бы она замолчала.

– Может тебя подвезти? – спросила сочувственно Маша. – Мой решил теперь меня пасти: утром привозит, вечером увозит.

– Нет, спасибо. Я прогуляюсь, – отказалась Вики.

– К нему поедешь? – снова дразнила ее Маша.

Вики схватила сумку и выбежала из офиса. Остановилась она только на улице, когда уже перебежала дорогу. «Наконец-то, свобода, – подумала Вики».

– Привет, – услышала она радостный голос позади себя.

Вики медленно повернулась и чуть не упала: позади стоял Максим.

– Ты чего такая бледная? – спросил он.

– Не подходи ко мне, – сказала Вики, развернулась и пошла прочь.

– Вчера ты была более нежная, – сказал он, поравнявшись с ней. – Что же случилось за этот день, что ты так резко поменяла свое мнение?

– Я не меняла своего мнения, – заявила Вики. – Ты – урод. И я тебя ненавижу.

– Вот как? – удивился Максим. – Да, если честно, то мне все равно. Только можно со мной и поласковее, а то я...

– Пошел прочь, – сказал мужской голос позади Вики.

Она обернулась. Это был мужчина крепкого телосложения, чуть выше ее ростом. У него были темные короткие волосы и карие глаза. Лицо худощавое, губы тонкие, рот небольшой. Возраст Вики точно определить не могла, но ей показалась, что он чуть старше ее. Хотя, возможно, была в этом виновата одежда: строгий костюм, черное пальто, вычищенные ботинки.

– Позвольте вас познакомиться, – снова влез Максим. – Виктория, это Кабан. Кабан, это Виктория.

Ни Кабан, ни Вики не сказали ни слова. Она уставилась на него, как на памятник. Он тоже смотрел ей прямо в глаза. Тут он подался вперед, надеясь, возможно поцеловать ее. Но Вики быстро опустила голову и попятилась назад.

– Что вам нужно? – тут же спросила она.

– Я..., – неуверенно заговорил Кабан, – я...

Голос его был мягкий, обнимающий. Так звучит валторна.

– Ты ему понравилась вчера. И он хочет повторить. Да, и я не прочь, – снова влез Максим. – Мы все не прочь, – добавил он усмехаясь.

– Тебе обязательно нужно говорить, чтобы ты понял, что здесь лишний, – огрызнулся Кабан.

– Ой, какие мы нежные...

Кабан резко развернулся в сторону Максима и тот сразу залепетал: «Да, ладно, ладно. Я понял».

– Кабан – это кличка. А зовут меня Ярослав. Друзья зовут Яриком, Славой или Кабаном, как вы уже слышали. Можете называть меня, как угодно.

Вики кивнула, повернулась и пошла домой. Он проследовал за ней и поравнявшись спросил: «Позвольте вас проводить?».

– Если вам хочется, – несмело и очень тихо ответила Вики.

Всю дорогу они шли молча. Он не пытался взять за руку или заглянуть в глаза. Кабан шел, смотря прямо впереди себя.

Вики же, напротив, старалась подсмотреть, подглядеть что-то в нем.

Что ее больше всего удивило: несмотря на молчание и отсутствие всякого физического контакта, они шли, как одно целое. Тишина их не разъединяла, напротив, она соединяла их, как клей соединяет два листа бумаги.

– Это мой дом, – сказала Вики, когда они подошли к ее парадной.

– Виктория, я считаю, что мы не случайно встретились. Вы мне нравитесь, и я хочу развивать наши отношения, – заявил он.

– Вы – военный, – спросила Вики.

– Нет, но мне нравится, когда все предельно ясно.

Они замолчали.

– Могу ли я воспринимать ваше молчание, как знак согласия? – с совершенно бесстрастным выражением лица поинтересовался он.

Вики это удивило. Таким тоном можно спросить в столовой «Можно ли взять солонку с вашего стола» или перед кабинетом стоматолога «Кто последний в очереди к Ивановой». Но предлагать начать отношения...

Кабан не стал дожидаться ответа. Он вытащил свою визитную карточку и протянул ее Вике.

– Если вы захотите со мной встретиться, то я буду этому рад, – сказал он.

Вики приняла карточку, он слегка наклонил голову в знак прощания, развернулся и пошел прочь.

Вики еще долго стояла с карточкой в руке, пока выходящий из парадной сосед с третьего этажа, не толкнул ее.

– Ой, – вскрикнула Вики от боли: дверь сильно ударила ее по ноге.

– Извините. Я не думал, что здесь кто-то стоит, – сказал сосед и ушел.

Вики потеряла ногу, а потом вошла в парадную. Только дома, заглянув в холодильник, она вспомнила, что у нее закончились продукты. Есть хотелось зверски, поэтому она снова накинула пальто, сапожки и побежала в магазин. Выбирая продукты, она думала о нем, стоя в очереди, она тоже думала о нем, пока шла домой, то думала опять-таки о нем. Вики уже нарисовала себе чудесную картину, как она выходит замуж за Ярослава, рождает ему двоих..., нет троих детей, они живут в своем доме долго и счастливо.

Вики пришла домой, разобрала покупки. Поужинав, она решила еще раз рассмотреть его визитную карточку. Виктория полезла в карман пальто, но там ее не было. В сумке тоже не оказалось. Она осмотрела все карманы. Но в итоге пришла к выводу, что карточку она обронила, когда ее стукнул сосед возле парадной. Вики быстро оделась и выбежала на улицу. Но и там визитной карточки тоже не было.

Она вернулась домой расстроенная, зашла к себе в комнату и заплакала. Картинки свадьбы, рождения детей и счастливой жизни трескались и падали, как никому не нужные стекляшки. Она еще раз осмотрела свою сумку, все карманы, но итог был тот же – визитной карточки нигде не было.

– Вот ты – дура, – сказала Вики сама себе, смотря в зеркало. – Когда еще на тебя обратит внимание такой мужчина?

Она снова села на подоконник в своей комнате и стала смотреть в окно. На улице уже потемнело и поднялся сильный ветер. Прохожие съезжались, кутались в свои пальто и прятали лица в шарфах. Спустя какое-то время она поняла, что ничего не видит перед собой,

а думает о Кабанае и рисует в своем воображении картинку с ним. Вот они на американских горках. Вот они ездят на автомобиле по России. Вот они едят пиццу в какой-то маленькой пиццерии. Вот они дома смотрят вместе кино. И везде они держатся за руки и улыбаются друг другу. Вики почувствовала, как тепло стало разливаться по всему ее телу.

– Нет, – сказала она вслух. – Это неправильно.

Она достала из шкафа нитки и спицы, решив, что это самое лучшее занятие, прогоняющее лишние мысли: нужно считать петли и витать в облаках будет некогда. Она набрала первый ряд, начала вязать второй, третий, четвертый... Поняв, что это монотонное занятие не приносит никакого результата, она взяла крючок, нашла схему кофты и начала набирать петли. Рисунок был сложный, поэтому к схеме приходилось обращаться все время: только она задумается о Кабанае, как уже нужно смотреть в схему. Спустя три ряда Вики поняла, что допустила где-то ошибку: рисунок уже начал уезжать вправо, хотя по схеме никакого смещения быть не должно.

– Я и правда шлюха, – сказала она сама себе, тихонько отложив вязание.

Это было сказано спокойно, смиренно, но внутри все прожгло так, будто ее кто-то ударил ножом в спину. Вики подумала о том, что ее мама все же была права: она шлюха – и с этим ничего поделать нельзя.

– А ты не забыла о том, что тебя опоили чем-то вчера? – спросил ее внутренний голос.

– Нет, это не то. Я же все отлично помню и была в сознании, – ответила Вики ему.

– В каком сознании? – спросил голос, явно пытаясь ее оправдать.

– В своем сознании! – раздраженно ответила Вики. – Можно, конечно, обманывать кого-то, но я же совершенно уверена: я понимала, что со мной делают, и что делаю я.

Ей стало совсем грустно. Но не потому что, она убедилась в том, что она – шлюха, а потому что поняла: Кабан второй раз ей ничего предлагать не будет. Он просто решит, что она отвечает «нет» и найдет себе другую: покрасивее, помоложе, поинтереснее.

Вики легла спать с тяжелым сердцем и еще долго ворочалась, прежде чем уснула.

Утром вставать было еще сложнее, чем вчера. Ее лицо мстило за вчерашние слезы сегодняшними опухшими веками, глаза еле открылись.

– О, боже, – простонала она, посмотрев в зеркало.

Тут она поймала себя на мысли, что стала слишком часто смотреться в зеркало. Еле-еле натянув на себя одежду и позавтракав, Вики пошла на работу. До того, как выйти из дома, ее еще грели надежды, что он встретит ее у парадной и довезет до дома. Что она извинится за потерю его визитной карточки, и он вместо того, чтобы давать ей новую визитку, потребует ее номер телефона. Но ничего этого не было. Вместо этого ее обрызгала машина, когда она ждала зеленый свет светофора. Еще в магазине почему-то была огромная очередь, и ей не удалось купить круасаны, чтобы заглядить вину перед Машей. По дороге она заметила какой-то маленький магазинчик. К ее радости народу там не было. Правда и прилавки были почти пустые. Она стала рассматривать витрины в поисках чего-нибудь вкусенького.

– Здравствуйте, – поприветствовала ее продавщица с южным акцентом и широко улыбнулась.

– Здравствуйте.

– Мы только вчера открылись, поэтому вы лучше скажите, что вам надо, и я поищу. На прилавках еще не все выложено.

– Мне нужны круасаны или кекс какой-нибудь. Что-нибудь сладкое к чаю.

– Понимаю, – быстро ответила продавщица и скрылась куда-то в подсобку.

Через минуту она вернулась, держа в руке пачку печенья в шоколаде.

– Это подойдет?

Вики кивнула и попросила еще две таких же.

«Хоть с Машей помирюсь, – подумала она, и довольная вышла из магазина».

– Доброе утро, – сказала Вики, зайдя в офис.

Кто-то ей ответил, кто-то отвернулся, ничего не сказав, кто-то даже не обратил внимания: нормальная рабочая обстановка. Она положила печенье на стол Маши, а также заметила, что Максима снова нет на рабочем месте.

Через полчаса к ее столу подошел начальник.

– Здравствуйте, здравствуйте, – сказал он, улыбаясь во все тридцать два зуба.

– Здравствуйте, – ответила Вики, тоже постаравшись улыбнуться, но у нее ничего не получилось.

– А где ваша подруга? – поинтересовался он.

– Она себя плохо чувствует, – соврала Вики, пытаясь выгородить Машу.

– Вот как? И что же с ней?

– Что-то с животом. Она даже и сама не знает.

– Ага, – сказал начальник. – Как же вам Виктория не стыдно? Обманывать своего начальника, который за вас горой, всегда поможет, выслушает. А?

– А почему вы решили, что я вас обманываю? – с вызовом спросила Вики, но тут же почувствовала, что лицо заливают краска.

– Ай-яй-яй, – погрозил он ей пальцем. – Вы вся покраснели. Все ваше тело говорит, что не хочет обманывать, но вы все же это делаете. Имейте в виду, что тело очень отзывчиво. И оно вам припомнит это в будущем. А знаю я, что вы говорите неправду, потому что ваша коллега позвонила мне утром и сказала, что увольняется. А деньги, которые ей причитаются, я должен отдать вам, – закончил он, положил конверт перед Вики и лист бумаги. – Распишитесь, пожалуйста, в получении денег.

Вики расписалась.

– Вы бы хоть договорились друг с другом. А так, придется вас лишить премии за аморальное поведение.

– Какое аморальное поведение. Что это вы в мою жизнь лезете? – разозлилась Вики, подумав, что он что-то знает про Максима, но потом спохватилась: «То есть, я хотела сказать, что... что... Что вы имеете в виду?»

– Я лишь имею в виду, что обманывать – аморально, – сказал он и пристально на нее посмотрел. – А вы сами-то часом не больны? Если больны, то можете идти домой. А то нехорошо заражать коллег, – буркнул он и ушел к себе в кабинет.

Вики стало стыдно. А еще она обиделась на Машку: «Что сложно было позвонить и сказать, что она больше не будет здесь работать?». Тут у нее зазвонил телефон.

– Привет, подруга, – услышала она Машин голос.

– Привет, – с недовольством ответила Вики.

– Ты чего такая? Все дуешься?

– Не все дуюсь, а теперь дуюсь. Почему ты мне не сказала, что собираешься увольняться. Меня из-за тебя премии лишили.

– Что?

– А то...

И Вики ей все рассказала.

– Ну, извини. Я же не думала, что он так быстро решит от меня избавиться. И я вовсе не собиралась увольняться. Просто так получилось. Сегодня мой проснулся и говорит: «А поехали в Турцию?». Ты же не думаешь, что я могла упустить такой шанс?

– Ясно, – буркнула Вики. – Когда уезжаете?

– Сегодня. Самолет уже скоро. Мы по горящей путевке. Так что деньги останутся на сувениры. Я принимаю заявки.

– Мне ничего не надо. Главное – сама возвращайся, – грустно ответила Вики.

– Ой, какая знакомая песня. Мне ничего не надо, – передразнила ее Маша. – Даже мужики мне не нужны. И минетов я не хочу.

– Слушай, хватит уже, – злилась Вики.
– Да, ладно. Что у тебя там с Максимом?
– Ничего у меня с ним нет. Дурак – твой Максим.
– Что, уже поругались?
– Мы еще и не мирились. Прекрати, ладно? Мне это неприятно.
– Ой, ладно, ладно. Привезу тебе что-нибудь из Турции. Когда приеду, позвоню. Пока, – крикнула Маша и бросила трубку.

Вики даже не успела сказать «пока». Потом она вспомнила про конверт с деньгами, перезвонила Маше, но та уже была вне зоны доступа. Решив, что отдаст деньги по приезду Маши, она убрала их в сумку.

Настроение совсем упало. Она посмотрела на телефон, и у нее закрутило живот.
«Не хочу, – подумала Вики».

Она вдруг осознала, что Маша, даже вернувшись из Турции, сюда уже не вернется. И ей стало уж совсем грустно. Она посмотрела на пустой стол Маши, потом на пустой стол Максима. Единственные люди, с которыми она здесь разговаривала, а точнее, которые с ней разговаривали, пропали, исчезли. Вики встала и пошла к начальнику.

– Вы были правы, я действительно себя что-то плохо чувствую, – сказала она ему. – Можно я пойду домой.

– Конечно, конечно. Это будет честно по отношению к коллегам.

– А вы не знаете, что с Максимом? – тихонько спросила Вики.

– А что с Максимом? – удивленно спросил начальник.

– Его второй день нет на работе, – сказала Вики.

– Да? – удивился начальник. – А я и не заметил. Спасибо вам. Я позвоню ему и уточню, что случилось.

Вики готова была убить себя в этот момент. Она сразу представила себе их разговор:

Начальник: «Здравствуйте, здравствуйте, Максим. Что же это вы на работу не ходите?»

Максим: «Да, я тут это...».

Начальник: «Нехорошо, Максим, нехорошо. Тут уже о вас коллеги стали спрашивать: „Куда, мол, Максим подевался?“».

Максим: «Да, вы что? И кто же так интересуется мной?».

Начальник: «А вот Виктория ко мне зашла и поинтересовалась».

И что Максим подумает после этого? Виктория почувствовала себя полной дурой. Теперь уже было не до работы. Она забрала печенье со стола Маши, оделась и вышла на улицу. Ее даже посещали мысли об увольнении, но она отбросила их. Медленно идя по парку, она наслаждалась тишиной. Как хорошо бывает выйти в будний день в парк: людей почти нет, есть свободные скамейки. Ей было холодно, но идти домой совсем не хотелось. Денег на то, чтобы зайти в кафе, тоже не было. Она села на скамейку и, съжившись, наблюдала за тем, как листья отрываются от веток, будто взрослые дети от своих родителей. Прямо на колени упал большой желтый лист клена. Он был очень красивый. Дождя с утра не было, поэтому на земле валялось много красивых и сухих листьев. Вики встала со скамейки и начала собирать самые большие и самые красивые. Через пятнадцать минут в ее руках уже был чудесный букет.

Неожиданно вышло солнышко, и протянуло свои лучи к букету. Вики зажмурилась от удовольствия. Солнце уже не грело, но ей все равно стало теплее. Она закрыла глаза, и вдруг снова поплыли картинки, где Кабан держит ее за руку, целует, обнимает. И вот они уже вместе в постели. Она открыла глаза и глубоко вздохнула. Теперь уж им точно не встретиться: после двух дней неоправданных пропусков Максима скорее всего уволят, а он – это единственная ниточка к Ярославу. Вики прижала к себе желтые листья и снова тяжело вздохнула. Улыбки на ее лице уже не было, а глаза готовы были к тому, чтобы выпускать слезы на свет божий.

Она ждала. Ждала, что вот он подойдет, поздоровается с ней и даже обнимет. Завернувшись за угол, Вики надеялась на него натолкнуться. А когда она зашла в свой двор, то сердце ее сильно забило: возле парадной стоял какой-то мужчина. Вики пошла чуть медленнее, стараясь унять свое сердце. Но это не помогало. Она подошла к двери парадной. Мужчина стоял спиной к ней. Он был в черном пальто и шляпе.

– Здравствуйте, – сказала она ему очень ласково и улыбнулась.

Мужчина повернулся и ответил удивленно: «Здравствуйте».

Улыбка тут же пропала с ее лица: это был не он. Она грустно опустила голову и вошла в парадную.

«Глупо, – подумала Вики. – Очень глупо».

Она пришла домой и легла на кровать, обняв подушку. Спустя какое-то время сон уже овладел ей.

Проснулась Вики уже вечером. Она встала, поела и снова легла спать. Ей казалось, что из нее выжали все соки. Сил почти не было, а глаза закрывались, погружая ее в сон. Она уже не думала о Кабане, Максиме, Маше. Она ни о чем не думала, кроме усталости, которая навалилась на нее так неожиданно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.